

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ NEW YORK TIMES

АДЕЛИН ГРЕЙС

18+

БЕЛЛАДОННА

Аделин Грейс

Белладонна

Серия «Young Adult. Пробуждение магии. Тёмное фэнтези»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68558405

*Белладонна:
ISBN 978-5-04-178041-8*

Аннотация

Англия. Вторая половина XIX века.

Все, к кому прикоснется Смерть, умирают. Все, за исключением Сигны. Прекрасное дитя не должно было прожить и дня после рождения. Всю жизнь ее воспитывали опекуны, каждому из которых была уготована одна участь – смерть. Однажды, нарушив равновесие между миром живых и усопших, Сигна отправляется к единственным оставшимся родственникам – Хоторнам в поместье Торн-Гров, населенное духами. Там девушка узнает, что некто отравляет всех членов семьи особым ядом. Погружаясь в темные тайны семейства Хоторнов, Сигна понимает, что под подозрение попадает каждый из них. Чтобы восстановить баланс, девушке нужно убедиться, что смерть не сможет дотянуться ни до кого из обитателей Торн-Гров. Вскоре Сигна узнает, что должна заключить сделку с самой Смертью – очаровательным и опасным юношей.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	21
Глава 3	30
Глава 4	37
Глава 5	52
Глава 6	64
Глава 7	71
Глава 8	81
Глава 9	92
Глава 10	102
Глава 11	109
Глава 12	115
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Аделин Грейс

Белладонна

Adalyn Grace

BELLADONNA

Copyright © 2022 by Adalyn Grace, Inc.

© Минченкова В., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

*В чаще леса стоит дом с Круглым столом,
всегда накрытым к пиришеству.*

*Эта история посвящается моим соратникам,
что сидели со мной за тем столом.*

*Благодаря вам литературный труд превращается в ма-
гию.*

Пролог

Все началось с крика ребенка.

Сигна Фэрроу, закутанная в кроваво-красное одеяльце, была самой ослепительной двухмесячной малышкой на празднике. А ее мать была полна решимости это доказать.

– Только взгляните на нее, – ворковала она, поднося капризного младенца к гостям и ожидая восхищения. – Разве это не самое идеальное создание на свете? – Рима Фэрроу вся сияла, порхая в толпе с малышкой на руках. Женщина была просто усыпана шикарными драгоценностями, подаренными мужем-архитектором. На ней красовалось шелковое платье глубокого темно-синего цвета поверх такого пышного кринолина, на который никто другой в ее присутствии не осмелился бы.

Семейство Фэрроу считалось одним из самых богатых. И все присутствующие на торжестве мечтали хотя бы слегка прикоснуться к этому богатству. В стремлении угодить Риме каждый натягивал на лицо улыбку и мило ворковал над ребенком, которого любящая мать с таким трепетом держала на руках.

– Она такая хорошенькая, – заметила женщина, обмахивая влажное лицо в попытке спастись от летней жары, при этом больше поглядывая на Риму, чем на ребенка.

– Само совершенство, – добавила другая, стараясь не за-

мечать маленький кривой носик и морщинистую шейку Сигны.

– И вырастет вся в мать, я уверен. Будет поражать сердца доверчивых поклонников в мгновение ока, – последовало от мужчины, который всячески игнорировал сильное чувство неловкости от взгляда Сигны. Ее глаза, один пронзительно-голубой, а второй цвета жидкого золота, всматривались слишком внимательно для новорожденной.

Сигна без остановки плакала, ее кожа покраснелась и покрылась испариной. И никто не видел в этом ничего необычного, ведь летом в Фиоре всегда жарко и душно. В помещении и на улице тела поблескивали от капелек пота, подобно вуалям, покрывающим кожу. По этой причине никто не ожидал, что малышка обо всем знала: смерть уже нашла дорогу в поместье Фоксглав. Сигна могла чувствовать ее, как чувствовала слишком близко пролетевшую муху. Смерть вибрировала на коже, от чего волосы на затылке вставали дыбом. И в присутствии Ангела смерти Сигна успокоилась, убаюканная принесенным смертью холодком.

Но больше никто не разделял ее комфорта, ибо Ангел приходил только туда, куда его звали. И этой ночью он гостил в поместье Фоксглав, ведь в каждый бокал вина был подмешан яд.

Сначала раздался кашель. Его приступы разносились над торжеством, но гости просили прощения и прикрывались элегантными белыми перчатками, полагая, что причина в за-

кусках. Рима первой почувствовала тревожный звонок; покрывшись холодным потом, она передала ребенка ближайшей служанке. И, произнеся *прошу прощения*, в приступе удушья схватилась за горло, впившись пальцами в скопившийся на впадинах ключиц пот. Новый приступ кашля настиг ее, и, когда она поднесла пальцы к губам, перчатки окрасились в кроваво-красный цвет одеяния ее малышки.

А вестник смерти уже стоял позади нее, и девочка наблюдала, как тот опустил руку Рима на плечо. С последним вздохом тело матери рухнуло на пол.

Жнец продолжил свое шествие. Он пронесся по роскошному поместью, собирая души бедняг, чьи лица побагровели, а грудь сдавливало застрявшее в ней дыхание. Он кружил между танцорами и музыкантами, крадя их жизни одним ледяным прикосновением.

Некоторые бросились к дверям, решив, что ядовитое вещество витает в воздухе и что, выбравшись в сад, они будут спасены. Но, словно звезды, падали один за другим. Спасти удалось лишь тем немногим, кто еще не успел попробовать вина.

Служанка едва донесла малышку до детской, прежде чем тоже упасть на пол с красными, словно рубины, губами, когда Ангел смерти замедлил ее сердцебиение и бросил тело на пол.

Даже будучи младенцем, Сигна была равнодушна к зловонному дыханию смерти. Она не металась в панике, а сосре-

доточилась на том, что было видимо только ей – голубоватом сиянии полупрозрачных духов, заполнявших поместье, пока темный Ангел вырывал их из тел. Некоторые покидали тела покорно, держа за руку супругов в ожидании начала пути в загробный мир. Другие изо всех сил цеплялись за свои тела или пытались убежать от жуткого жнеца, который даже не оставлял простора для погони.

Посреди этого круговорота безмолвно стояла сияющая мертвая Рима. Она сильно хмурилась и смотрела пустым взглядом, как Ангел смерти переступает порог комнаты Сигны. Вестник смерти, не более чем едва уловимая тень, бесшумно приблизился к ребенку. Но его необязательно было видеть, достаточно просто *почувствовать*. Его присутствие ощущалось тяжестью на груди, крепкой хваткой на горле. Словно падение в ледяные смертоносные воды.

Смерть душила своими ледяными объятиями.

И все же, когда темный Ангел подался вперед, чтобы забрать Сигну, досыта наевшуюся отравленного материнского молока, малышка зевнула и свернулась комочком под прикосновением смерти.

Он отступил назад, тени отпрянули следом. И снова попытался заявить о своих правах, но его прикосновение не показало моменты прожитой жизни этого маленького человечка. Напротив, перед ним возникло невиданное прежде – проблески будущего.

Блестящей, невероятной жизни.

Его прикосновение не убило ребенка, вокруг которого он кружил, пораженный девочкой и зачарованный тем, что ему открылось.

И хотя Рима хотела остаться и дожждаться, когда малышка присоединится к ней, Ангел смерти отступил и протянул руку. К своему удивлению, Рима подплыла ближе и протянула свою.

– Время ребенка еще не пришло, – произнес он, – но пришло твое. Идем со мной. – Слишком много душ нуждалось в переправе в загробный мир. Но он обязательно вернется. И найдет эту девочку.

Держа Смерть под руку, душа Римы бросила последний взгляд на оставленную малышку, совсем одну в доме, полном трупов. И взмолилась, чтобы кто-нибудь нашел Сигну как можно скорее и позаботился о ней.

Ночь закончилась, так же как и началась, – криком ребенка. Только на этот раз рядом не было никого, кто мог бы его услышать.

Глава 1

Говорят, что пяти ягод белладонны достаточно, чтобы убить человека.

Всего лишь пять сладких ягод, съеденных прямо с куста. Или, как предпочитала Сигна Фэрроу, раздавленных и вымоченных в чае.

Над ее темными бровями выступил пот, когда она склонилась над дымящейся медной кружкой и вдохнула пары. Разумеется, съесть ягоды прямиком с куста было бы куда проще, но она изучала эффект, оказываемый белладонной на ее тело. К тому же очень не хотелось, чтобы тетя Магда нашла ее в саду мертвой и с высунутым ярко-багровым языком.

Не во второй раз, уж точно.

Прошло уже несколько недель с тех пор, когда она видела Ангела смерти последний раз. Лишь предсмертный вздох мог выманить его из укрытия, и он никогда не уходил с пустыми руками. По крайней мере, так было положено. Но Сигна Фэрроу не могла умереть.

Насколько Сигна помнила, она впервые увидела темного Ангела, когда ей было пять лет и она упала с лестницы в бабушкином доме. Ее шея сломалась и вывернулась, так что она могла искоса наблюдать за ним с холодного пола. Она смутно осознавала, что ее маленькое тельце не предназначено для подобных трюков, и гадала, пришел ли он за ней. Од-

нако Ангел смерти молча наблюдал, как срастаются кости, и исчез, как только она оправилась от падения, которому, без сомнений, надлежало оказаться смертельным.

Прошло еще пять лет, прежде чем смерть снова явилась к ней. Сидя у бабушкиной кровати, Сигна наблюдала, как Ангел смерти взял бабушку за руку и освободил ее дух из тела. Бабушка болела много месяцев, поэтому с улыбкой поцеловала девочку в лобик, прежде чем последовать за своим проводником в безмятежное загробное царство.

Сигна умоляла Ангела вернуться. Просила вернуть бабушку обратно, плача и сжимая безжизненную руку, пока сил уже не осталось. Никто другой не мог видеть его и духов. И она пыталась понять, была ли в случившемся ее вина, ведь она девочка, которая видит смерть.

Сигна уже не помнила, сколько времени провела в том доме, прежде чем кто-то почувствовал запах разложения и пришел за ней, обнаружив девочку, свернувшуюся калачиком у постели бабушки в грязной одежде и со спутанными волосами. Ее увели из дома и отправили к первому из длинной череды опекунов.

Следующие несколько лет она познавала границы своих страннх способностей. Для начала, уколо2в палец розовым шипом и наблюдая, как пузырек крови надувается, а затем исчезает, словно раны никогда и не существовало. Далее эксперименты превратились в прыжки со скал, достаточно высоких, чтобы сломать кости. Сигна поняла, что почувствует

лишь короткий щелчок, а спустя пару минут уже будет в состоянии прогуливаться по склону.

Но с ягодами белладонны она никогда не планировала экспериментировать. Несколько месяцев назад, вскоре после приезда, она просто нашла их в запущенном саду тети, приняв за чернику. И понятия не имела, что ягоды ядовиты, пока сад не поплыл перед глазами и она не рухнула в заросли сорняков. Тут же за изгибистым стволом дуба возник Ангел смерти и наблюдал за ней. Возможно, она бы оправилась не очень быстро и успела поговорить с ним, но была слишком отвлечена на тетю Магду, которая обнаружила ее в саду со смертоносной ягодой в руке и багровыми губами. У женщины едва не остановилось сердце, когда Сигна поднялась и села на землю, пока яд выводился из тела в течение нескольких минут.

В тот день Сигна усвоила один урок: можно выманить Ангела смерти из тени. И, владея таким знанием, больше не могла позволить ему прятаться ни минуты.

Она поднесла чай к губам. Язык едва лишь коснулся теплого напитка, когда кто-то вдруг выбил кружку у нее из рук. Девушка свалилась с шаткой деревянной скамейки, на которой сидела, когда кружка со звоном упала на пол, и фиолетовый напиток разлился по грязному каменному полу кухни.

Она обернулась и встретила хмурый взгляд тети Магды. Хмурое выражение редко сходило с ее лица, но если приглядеться внимательнее, то можно было заметить, как ее

тонкая нижняя губа и грубые руки дрожат в присутствии Сигны, зрачки расширяются, а на морщинистом лбу выступают капельки пота.

– Думаешь, я не знаю, что у тебя на уме, дьявольское отродье? – Тетя Магда подняла кружку, осторожно пригнувшись, и бросила мрачный взгляд на кашницу из ягод. – Мерзкая девчонка, работающая на дьявола!

Тетя Магда швырнула кружку в Сигну. Она попыталась увернуться, но кружка все равно угодила в плечо. Оставшаяся жидкость больно обожгла кожу, а фиолетовый сок ягод испачкал любимое серое пальто. – Я предупреждала, что будет, если ты станешь заниматься черной магией в моем доме.

Не обращая внимания на жжение от ожога, Сигна пристально посмотрела в глаза тете.

– Это просто чай. – Ее голос звучал так уверенно, что любой другой человек тут же поверил бы. К сожалению, тетя Магда слишком много знала. И считала себя достаточно умной и благочестивой женщиной, чтобы быть обманутой «ведьмой».

Разумеется, Сигна не верила, что она ведьма. Хотя ее тянуло к ботанике, и она частенько ловила себя на мысли, как хорошо было бы знать парочку заклинаний. Просто чудесно отыскать заклинание, способное убрать пыль в этой лачуге, или накормить ее чем-то, кроме черствого хлеба и похлебки, которую она умудрялась сварить из скудных продуктов, оставленных для нее Магдой.

– Собирай вещи, – грозно рыкнула тетя, несмотря на свое хилое телосложение, и плотнее закуталась в пальто, когда порывы осеннего ветра засвистели через щели в кухонном окне. Ее кожа стала серой, а грудь время от времени сотрясалась от влажного надрывного кашля. Дошло до того, что Сигна даже начала всматриваться в тени за спиной тети, пытаясь разглядеть, не пришел ли Ангел смерти забрать ее, чего она так боялась с тех пор, как неделю назад у тети начался кашель. – Сегодня будешь спать в сарае. – Эти слова тетя произнесла таким ледяным тоном, что у Сигны внутри все сжалось. Ей вдруг захотелось, чтобы она никогда не попадала к этой ужасной женщине. Жаль только, что выбора у нее совсем не было.

Из-за пособия и наследства, в которое она вступит в двадцатый день рождения, когда-то потенциальные опекуны едва ли не разрывали девочку на части. Ее бабушка одержала победу в войне за Сигну, но не из жадности, а потому что любила ее. И когда она умерла, Сигну отправили жить к дяде, молодому и пышущему здоровьем банкиру, с прекрасным поместьем и насыщенной личной жизнью. И хотя он часто оставлял ее без присмотра, жизнь с ним казалась вполне терпимой. Сигна даже подружилась с Шарлоттой Киллинджер, и они вместе гуляли по лесу и шпионили за соседями.

Однако, в конце концов, личная жизнь дяди оказалась *черепчур* бурной. И в возрасте тридцати лет он умер, подхватив какую-то заразу от одной из многочисленных любовниц.

Сигна надеялась, что ее удочерит семья Шарлотты, но выяснилось, что мать подруги умерла от той же болезни. Это позорное происшествие полностью положило конец их дружбе, и с тех пор Сигна не получила от Шарлотты ни одного письма.

Сигне стукнуло двенадцать, когда поползли слухи, усугубившиеся тем, что ее третий опекун погиб в трагической аварии по пути к ней, а следующая утонула в собственной ванне после передозировки успокоительными препаратами и алкоголем. *На ребенке проклятие смерти*, поговаривали некоторые. *Самая злобная ведьма, дьявольское отродье. Куда бы она ни пошла, жнец смерти последует за ней.* Сигна и не пыталась оправдываться, поскольку отчасти была с ними согласна.

Она притворялась, что не видит духов, бродивших по улицам или даже живущих с ней в одном доме. И надеялась, что однажды они исчезнут, если не замечать их. К несчастью, это оказалось совсем не просто. Временами создавалось впечатление, будто они догадываются о ее плане и только сильнее злятся. Воя по всему дому или прячась в зеркалах, они всегда пытались застать Сигну врасплох и напугать своими выходками.

Повезло, что в доме Магды духов не водилось, хотя от этого жизнь не стала лучше. Тетя Магда слыла заядлым игроком, целыми днями пропадала в игорных залах и всегда возвращалась ни с чем. Ее не заботили такие пустяки, как чи-

стота на кухне или уборка в пыльной лачуге, называемой домой, чтобы девушка смогла хотя бы нормально дышать. Ее заботило только денежное пособие.

Сигна понимала, почему тетя боится ее, и даже хотела этого, правда, итогом стала ужасная жизнь. Но всего через несколько месяцев, когда ей исполнится двадцать, она сможет вступить в наследство и построить свой собственный дом. Наполненный светом и теплом и, самое главное, *людьми*. Она будет входить в этот дом в прекрасном платье, ловя на себе десятки восхищенных взглядов поклонников, которые признавались бы ей в любви. И никогда больше не будет одинокой.

Но чтобы претендовать на такое будущее, ей нужно столкнуться со смертью. Желательно сегодня же ночью, прежде чем темный Ангел заберет еще одного опекуна и разрушит все ее планы.

– Собирайся, девчонка, – снова потребовала тетя Магда, дрожа всем костлявым телом. – Этой ночью тебя не будет в моем доме.

Задержавшись, только чтобы поднять с пола кружку и рассмотреть образовавшуюся на ней вмятину, Сигна поспешила выйти из кухни. Шаткая деревянная лестница стонала, пока она поднималась по ступенькам и пыталась думать только о скрипе пола, словно оскорбленного ее весом и грязью, покрывающей дом от половиц до крутой крыши. Пыталась думать о круглом пауке, живущем на нетронутой паутине в

углу потолка, вне досягаемости, но всегда на виду. Думать, о чем угодно, лишь бы выбросить из головы мысль, будто она безнадежно испорчена. Что она монстр. И что всем на свете жилось бы лучше, будь только она обычной девушкой.

Магда верила, что ее душа принадлежит дьяволу, и, возможно, была права. Вероятно, дьявол удобно *устроился* у нее внутри, в этом и крылась причина ее бессмертия. Но все же это не пошатнуло решимости Сигны, она знала, что должна сделать.

Кашель тети разнесся по дому, и девушка ускорила шаг. Войдя в свою крошечную спальню на чердаке, она подперла дверь сундуком и на цыпочках вернулась в центр комнаты. Подобрав юбки и усевшись на пол, она сняла пальто и достала из кармана ягоды белладонны. Разложив их перед собой, вынула из второго кармана ржавый нож и, чтобы удобнее держать, обернула рукоятку тканью юбки. Сигна не могла точно сказать, почему пригладила темные волосы и поправила воротник, убеждаясь, что выглядит представительно, прежде чем ягодная сладость разлилась во рту.

Яд проник в грудь, словно разрывая ее раскаленным железом и сжимая легкие. Кожа покрылась потом, крупные капли градом катились вниз. Она схватила ртом воздух, когда желчь обожгла горло. Где-то внутри роились тени, вызывая странные галлюцинации, и Сигна закрыла глаза.

Уже спустя мгновение действие белладонны начало ослабевать. Такая доза яда убила бы кого угодно, но Сигна могла

оправиться за считанные минуты. А ей требовалось продлить такое состояние, ведь именно этого она и добивалась. Это был ее шанс поймать темного жнеца и остановить его раз и навсегда.

Наконец она почувствовала, как кровь стынет в венах. Такое знакомое безошибочное чувство, что он где-то рядом, выжигающее все внутри. Сигна открыла глаза. Прямо перед ней стоял Ангел смерти.

Наблюдая.

Выжидая.

Его присутствие ощущалось таким опьяняющим и родным, и, как всегда, поражающим воображение: витиеватые тени, сгущающиеся в расплывчатую фигуру человека. Настолько темные и поглощающие любой свет, что даже при взгляде на него все внутри отзывалось болью. Но Сигна смотрела на фигуру не отрываясь. Так было всегда. Ее тянуло к нему, как мотылька на пламя. Кажется, именно этим он для нее и был.

Теперь Ангел смерти не просто стоял в стороне, а склонился над ней, словно хищник над жертвой, окруженный танцующими тенями. Сигна посмотрела вверх и встретила бездну тьмы, и, хотя глаза начало жечь, она не отводила взгляд.

– Я бы предпочел, чтобы ты не вызывала меня по первому желанию. – Его голос прозвучал совершенно не так, как она ожидала. Не загробный или скрипучий, а, скорее, напомина-

ющий журчание воды в ручье, что скользит по ее коже и приглашает искупаться в полночь. – Я очень занят, знаешь ли.

Сигна замерла, затаив дыхание. Почти двадцать лет она жаждала услышать этот голос, и таковы его первые слова? Она обхватила рукоять ножа и нахмурилась.

– Если ты намереваешься разрушить мою жизнь, то сейчас самое время объяснить почему.

Ангел смерти отступил, и она вдруг почувствовала, как по телу разливается тепло, проникая в уже онемевшие пальцы. Она даже не заметила, что замерзла.

– По-твоему, этим я занимаюсь, Сигна? – Недоверие в его голосе отразило ее собственное. – Разрушаю твою жизнь?

В этих словах звучало что-то тревожное. Что-то чересчур знакомое, отчего по коже пробежал холодок.

– Не произноси мое имя, – приказала она. – От вестника смерти оно звучит словно проклятие.

Он разразился гортанным мелодичным смехом, отчего тени вокруг заплясали.

– Твое имя вовсе не проклятие, Пташка. Мне просто нравится, как оно звучит.

Этот смех оказывал на нее странное воздействие. И хотя Сигна годами подбирала слова для встречи, сейчас неожиданно ей нечего было сказать. Да и какой, собственно, в этом толк? Нельзя позволять его загадочным словам взять над ней верх, когда вся жизнь рушится из-за него. Он отобрал у нее друзей, опекунов и дом, который у нее когда-то был. Боль-

ше медлить нельзя, пришло время воспользоваться шансом и узнать, есть ли у смерти уязвимое место.

Дрожащими руками она крепче ухватилась за нож, преодолевая тяжесть в теле, и собрала все оставшиеся силы. А затем всадила лезвие прямо ему в грудь.

Глава 2

Лезвие скользнуло через тени, и Сигна выругалась.

Ангел смерти уставился на свою грудь, и тень качнулась, словно он склонил голову набок.

– Так-так, ну разве ты не занимательная девчушка. Ты ведь не всерьез верила, что такой банальный трюк сработает со мной?

Сигна скривила губы в ответ на его веселье и вытащила нож. Она надеялась, что лезвие сделает хоть *что-то*. Что оно отпугнет его или даст понять, как решительно она настроена прогнать его из своей жизни. Сигна хотела, чтобы Ангел смерти увидел в ней опасность. А не игрушку. Но вместо этого он *смеялся* над ней.

Из-за его смеха Сигна едва обратила внимание на настойчивый стук в дверь. Она замерла, когда сундук со скрежетом начал двигаться по деревянному полу, и в комнату с криком ворвалась тетя Магда, белая как полотно, со смертельным страхом в глазах. Не теряя времени, она трясущимися руками схватила Сигну за волосы и потянула вверх с пола, метнув взгляд на окно, словно намеревалась вышвырнуть девушку из него.

Злость захлестнула Ангела смерти, отчего воздух в комнате стал удушающим. По коже Сигны пробежал холодок, пока она пыталась вырваться из теткиной хватки. И хотя Сигна

понимала, что должна остановить его, но все же не сделала этого. Глаза Магды горели ненавистью, и когда та потянулась к ее шее, Сигна, сжав зубы, схватила тетку за плечи и сбила с ног.

На мгновение их руки соприкоснулись кожа к коже, и Сигне показалось, что по венам разлилась лава. Тетя откинулась назад словно оглушенная, прерывисто хватая ртом воздух. На ее лице не осталось ни кровинки, как если бы прикосновение Сигны высосало из нее жизненные соки. Женщина споткнулась о край сундука и с тихим криком упала навзничь, испустив тем самым последний вздох.

Она со стуком грохнулась на пол, замолчав, возможно, впервые в своей жизни.

К тому моменту, как Сигна поняла, что произошло, было уже слишком поздно помочь тете, чьи стеклянные глаза безучастно уставились в потолок. Ангел смерти наклонился, изучая тело.

– Что ж, похоже, это единственный способ заставить ее замолчать. – Голос искрился от веселья, словно все происходящее всего лишь забавная игра.

Сигна в панике хватала ртом воздух.

– Что ты наделал?

Лишь тогда Ангел смерти выпрямился, заметив ее ужас.

– Что я наделал? Боюсь, тут ты ошибаешься, Пташка. – Он произнес это с интонацией, с которой обычно отчитывают маленьких детей. – Сделай вдох и послушай меня. У нас не

так много времени.

Но Сигна не слушала. Она посмотрела на свои руки, которые отливали мертвенной синевой и были прозрачными, как у духа, и с тихим стоном спрятала их за спиной.

– Держись от меня подальше! – взмолилась она. – Пожалуйста, оставь меня в покое.

– Будто я не пытался. – В голосе Ангела смерти появились резкие нотки, словно над ручьем нависла тьма. Он отвернулся, и Сигне оставалось лишь наблюдать, как он потянулся к трупку тети и вырвал из него душу.

Душа бросила взгляд на девушку, затем посмотрела на Смерть, и ее глаза расширились от осознания случившегося.

– *Ах ты, мерзкая ведьма.*

Сигне показалось, что земля уходит у нее из-под ног. Мысли судорожно метались в голове, зрение затуманилось, пока она смотрела на свои дрожащие руки. Предавшие ее. Укравшие жизнь.

– Что я наделала? – шептала она, вся съежившись. *Как я могла, что я наделала, что я наделала?* А затем на нее обрушилось ужасное осознание. – Что же мне делать *теперь?*

– Для начала, дыши. – После его слов Сигне вдруг стало легче. Хорошо, что их произнесла не тетя Магда, которая с ужасом разглядывала свое прозрачное тело. – Уверю тебя, я не ожидал.

– Какое мне дело до твоих оправданий? Это случилось по твоей вине! – Сигна не знала, смеяться ей или плакать, и

разразилась истеричными рыданиями.

Тени Ангела начали расти, и тьма окутала комнату.

– Ты вызвала *меня*. А я лишь пришел на зов. И вовсе не враг тебе...

По крайней мере, теперь она с уверенностью могла рассмеяться.

– Не враг? Ты мое пожизненное бремя. Из-за тебя я живу в таких ужасных местах, с людьми вроде *нее*, в довесок окруженная духами мертвых! Из-за тебя я несчастна. И посмотри, что ты натворил сейчас. – Ее взгляд упал на труп, лежащий под ногами, и Сигна закрыла лицо прозрачными руками, когда из глаз брызнули обжигающие слезы. – Ты проклял меня. Теперь ни один мужчина не захочет на мне жениться!

– Жениться? – Ангел смерти с недоумением уставился на нее. – Вот почему ты плачешь?

Она зарыдала еще громче, слова не могли успокоить ее воспаленный разум.

Если бы только Сигна подняла голову, то заметила бы, как сжались окружающие Смерть тени. Она бы увидела, как он потянулся к ней, но тут же отпрянул назад, чтобы не быть отвергнутым. Увидела бы, как он не дает новому проклятью сорваться с языка тетки, зажимая духу рот.

– Я никогда не хотел, чтобы такое случилось. – Его голос звучал искренне. – Наше время вышло. Понимаю, что сейчас мои слова для тебя пустой звук, но я не враг тебе. И докажу это через два дня. Пообещай, что до тех пор будешь ждать

здесь.

Сигна ничего не ответила, хотя идти все равно было некуда. И все же она не отрывала взгляд от пола, пока жнец не исчез. По комнате, наконец, разлилось тепло, возвращая чувствительность ногам и рукам, а коже живой матовый оттенок. Воздействие белладонны кончилось, оставив лишь пульсирующую головную боль, а качающийся дух тети служил единственным напоминанием недавнего визита вестника смерти.

Сигна посмотрела на дух заплаканными глазами, и тетя Магда нахмурилась. *Я всегда знала, что ты одержима дьяволом.*

Не в силах спорить, Сигна упала на пол и погрузилась в свое отчаяние.

Позже тем вечером Сигна стояла у покосившейся двери дома покойной Магды, обхватив себя руками, и ждала, когда следователь закончит работу.

Он спешил вовсе не из-за трупа, а потому, что боялся Сигны с ее иссиня-черными волосами и странного цвета глазами, а также стремился поскорее убраться с глаз кучки сосе-

дей, державшихся на расстоянии и многозначно перегляды-
вающих.

– Ты никогда не хотела, чтобы все так обернулось, – шептала сама себе девушка, стоя под взглядами встревоженных зевак. – Могла *думать* об этом, но ведь думать и делать совершенно разные вещи. Ты хорошая. Тебя любят. Это он во всем виноват.

Он виноват, он виноват, только он один. Такова была ее новая мантра.

Сигна ненавидела Ангела смерти даже сильнее, чем прежде. Ей стало невыносимо, в кого он превратил ее. Хотя... она не могла сказать, что сильно оплакивала тетин уход из жизни.

Ну или почти уход.

Ты позволишь им забрать меня, девчонка? Прохрипел дух Магды, полный злобы даже после смерти. Ты моя должница! И позволишь им запихнуть меня в такой мешок? Сделай же что-нибудь, маленькая ведьма! Я знаю, что ты меня видишь.

– И слышу тоже, к сожалению, – проворчала Сигна, осознав, что разговаривает сама с собой, только когда поймала удивленный взгляд мужчины, поднимающего завернутый в мешковину труп тети на заднее сиденье экипажа. Не зная, как выйти из положения, Сигна просто уставилась вдаль между ним и парящим духом, пока мужчине стало совсем не по себе, и, извинившись, он забормотал что-то о том, как

сожалеет о ее потере и в ближайшее время свяжется с ней.

Тем временем соседи крепко сжимали крестики на шеях и шептали, что всегда знали, будто с девочкой не все чисто. Рассказывая каждому желающему, что у Сигны дурная кровь и что Магде следовало дважды подумать, прежде чем приютить в доме дьявольское отродье. Среди них даже затесался дух в свободной белой тунике, который постоянно крестился и паялся на Сигну пустыми безжизненными глазами.

Она пыталась не сердиться на них. Неважно, что сплетни ранили ее и что она отдала бы все за единственного человека, которому смогла бы излить душу. Их страхи не были такими уж беспочвенными. Сигна воспользовалась силой темного жнеца.

Теперь ей всего лишь следовало выяснить, как она это сделала.

Кожа зудела, когда она плелась к дому Магды, надеясь, что ни соседи, ни тетя, рассеянно суетившаяся вокруг своего тела пока карета следователя исчезала из виду внизу по улице, не последуют за ней, и она ускользнет в сад.

Хотя едва ли слово *сад* было тут уместно. Сорняки и полевые цветы свободно разрастались годами, о чем часто сокрушалась тетя Магда. Но Сигна могла часами ухаживать за ними, насколько возможно, не имея даже лопаты или секатора. Пожалуй, только по саду она и будет скучать, вспоминая жизнь с тетей.

Она нырнула под ветви ивы, откидывая густую листву, и прислонилась к стволу дерева. Но она была не одна.

В опавшей листве покрытый грязью лежал птенец. Настолько крошечный и беззащитный, что еще не открыл глаза, кожа розовая, без единого перышка.

Сигна наклонилась, чтобы осмотреть бедного малыша, покрытого землей и голодными муравьями, готовыми сожрать того заживо. Насекомые настигали его, безжалостные в своем преследовании. Жалость захлестнула Сигну. Подобно ей самой, его выбросили из гнезда с расчетом на то, чтобы самому о себе позаботиться. Но, в отличие от Сигны, он не мог обмануть смерть. Для него будет благословением умереть быстро и избавиться от страданий.

Смерть Магды оказалась случайностью, но, если в этот раз Сигна заберет чью-то жизнь намеренно, в кого она превратится?

Ей не хотелось больше думать об этом, но все же она понимала, что должна получить ответ прежде, чем снова окажется в подобной ситуации, рискуя причинить кому-нибудь боль.

Она медленно сняла перчатки и провела пальцем по спине детеныша, смахивая мусор и набежавших муравьев. Она затаила дыхание, ожидая увидеть, приведет ли это к смерти. Как ни странно, он продолжал возиться на земле, живой и здоровый.

Она снова коснулась птенца, на сей раз дольше. И когда

убрала руку, он все еще дышал.

Со слезами облегчения на глазах она прижалась спиной к стволу ивы. Она не убила бедную птичку. Ее прикосновение не *смертельно*. Разве что... тут скрыто нечто большее.

Она вспомнила о белладонне и трясущейся рукой достала пять ягод из кармана. Убедившись, что листва скроет ее от любого прохожего, она положила ягоды в рот и раскусила их. Последствия не заставили себя ждать. Началась тошнота, мир поплыл перед глазами, и прямо напротив снова возник сам Ангел смерти. Хотя она знала о его присутствии, но продолжала игнорировать, радуясь, что он просто наблюдает со стороны. Она протянула руку и снова коснулась птенца, чье сердце замерло, и с последним вздохом облегчения он замер.

Сигна отдернула руку и прижала к груди. Бессмысленно отрицать, что она могла убить всего одним прикосновением. Но похоже, что смерть наступала только в присутствии темного жнеца. Только когда Сигна пребывала в странном состоянии, балансируя между жизнью и смертью.

У нее накопилось столько вопросов, но она даже не взглянула на Ангела смерти, а вместо этого заставила себя встать с земли, оставив мертвого птенца муравьям, и, спотыкаясь, поплелась к дому.

По крайней мере, ей было легче от того, что теперь птенцу больше не будет больно. Раз она оказалась таким монстром, то сможет хотя бы даровать милосердную смерть.

Глава 3

Спустя два дня к дому подъехала блестящая карета цвета слоновой кости.

Об этом возвестил лай соседских собак, и у Сигны замерло сердце, когда она выглянула в окно кухни на образовавшуюся суматоху. Она практически поселилась в саду после тетиной смерти и старалась не обращать внимания на беснующегося в доме духа, прощаясь с растениями и провожая череду дней. Тетя Магда была невыносима даже после смерти. Постоянно дергала занавески и выла от отчаяния либо причитала, какая Сигна редкостная паразитка, или подглядывала за соседями.

А за день до этого Сигна получила письмо с красной восковой печатью, подписанное именем мистера Элайджи Хоторна. Внутри лежало приглашение в его дом, Торн-Гров. И Сигна с удивлением узнала в нем мужа внучки Магды, Лилиан. Она слышала, как прежде тетка жаловалась на молодую особу, рассказывая истории о богатой светской даме, без предупреждения лишившей ее денежной поддержки.

Сигна просидела над письмом весь день и ночь, уставившись на бумагу и пытаясь поверить, что оно не плод воображения. Ей не хотелось думать, как Ангелу смерти удалось организовать приглашение, и, хотя часть ее отказывалась принимать подношение, она была вовсе не дурочкой. Поездка

в Торн-Гров оказалась лучшим вариантом. Так что ей ничего не оставалось делать, как отодвинуть чашку чая и, сжимая в руке письмо, поспешить на улицу.

Экипаж, запряженный парой лошадей, плавно катился, грохоча по толстым виноградным лозам и сырому мху, прокладываям путь между треснувших булыжников. Черные бока лошадей лоснились от пота, из ноздрей текло, но мускулистые тела пылали здоровьем. Глядя на них, Сигна не могла не думать о своих худых запястьях и тощих ногах, немного завидуя животным, которые, несомненно, питались лучше нее. Крупные жеребцы фыркнули, остановившись перед ней, и пожилой кучер соскочил вниз. Перед ней появился худой как жердь мужчина, высокий и светлокожий.

– Доброе утро, мисс. – Приподняв краешек шляпы, он открыл двери кареты. – Полагаю, меня послали за вами?

– Полагаю, что так. – Сигна дрожала как лист на ветру. Ее действительно заберут отсюда. И увезут в аристократическую семью, где она сможет носить красивые платья, распивать чай в женской компании и вести жизнь, о которой мечтала. Это казалось чересчур хорошим, чтобы быть правдой. Она не отводила глаз от тени, ожидая появления Ангела смерти, который со смехом сообщил бы, что это просто розыгрыш.

– Мне приказано без промедлений доставить вас в поместье, – объявил кучер. – Нам предстоит небольшое путешествие. Вы берете с собой какие-то вещи?

– Только сундук, сэр. Он прямо у входа. Я могу принести.

Кучер с такой открытой улыбкой отмахнулся от ее слов, что это даже настораживало. Сигна не могла вспомнить, когда в последний раз видела настолько искреннюю улыбку.

– Даже не думайте, мисс. Для меня это в радость. – Не привыкнув к вежливому отношению, она смогла только кивнуть, когда мужчина заковылял к дому, и задумалась, стоит ли ей стоять тут или забраться в карету.

Ответа не пришлось долго ждать. Сигна поняла, что кучер приехал не один, когда из кареты раздался кашель, а потом появился молодой человек. Он оказался моложе, чем она ожидала, ему можно было дать чуть больше двадцати лет. В элегантном костюме глубокого черного цвета и ботинках в тон он был рослым, как ива, и широким, словно дуб, с копной черных, как сажа, вьющихся волос. С загорелой кожей и с россыпью веснушек под глазами, которые напомнили ей дым, светлыми с легким серым отливом и угольным ореолом вокруг радужек. Левую бровь пересекал небольшой шрам.

Ты только посмотри на золотую обивку! Разумеется, моя внучка Лилиан просто обязана всегда хвастаться своим богатством. Но эта скверная девка никогда и не подумала помочь мне. Она такая же глупая, ужасная тварь, как и ты. Слова Магды сочились горечью, пока она кружила вокруг мужчины, но они уже не волновали Сигну.

В отношении духов она уяснила два правила. Во-первых, Магда не могла покинуть место смерти, и, во-вторых, если

бы ее тело кремировали, душа насильно бы отправилась в загробный мир.

Первое правило вдобавок еще и успокаивало Сигну, поскольку ей никогда больше не придется встречаться с мертвой тетушкой.

– Рада лично встретиться с вами, сэр. Надеюсь, поездка доставила вам истинное удовольствие. – Сигна прочистила горло, вспоминая все известные ей правила приличия. И даже попыталась сделать реверанс в своем тяжелом бомбазиновом платье с начесом, дополненным черной вуалью с перьями, которая вызывала зуд. В последнее время она, кажется, не снимала этот наряд.

Молодой человек не поклонился в ответ, окинув суровым взглядом выцветшее крыльцо и запущенный сад, настолько заросший, что через заросли сорняков с трудом можно было пробраться.

– Меня зовут Сайлес Торли. Я здесь по поручению мистера Элайджи Хоторна, чтобы сопровождать мисс Фэрроу в поместье Торн-Гров. – Его голос был низким, похожим на раскаты грома. – Полагаю, это вы?

Ожидая увидеть мистера Хоторна, Сигна с интересом отметила про себя его имя.

– Верно.

– Прекрасно, – нараспев произнес он, проявляя больше интереса к своим кожаным перчаткам, облегающим его руки подобно второй коже, чем к Сигне. – Тогда забирайтесь в

карету. Как уже заметил Альберт, нам предстоит долгая дорога.

– Если вы желаете передохнуть, я могу заварить чай.

Сайлес поправил галстук, по-прежнему не удостоивая ее вниманием.

– Я бы предпочел покинуть эту лачугу как можно скорее.

Сигна сжала зубы и выдавила:

– Как же лошади? Разве им не нужно попить?

Сайлес запрокинул голову и прищурился. А потом так протяжно вздохнул, что Сигне показалось, будто он просит небеса послать ему терпения, но явно терпит неудачу.

– Вы очень добры. Но лошади доложили мне, что они также предпочли бы не задерживаться, дабы не подхватить какую-нибудь заразу. Идемте же, мисс Фэрроу. – Он залез в салон, предлагая ей руку.

Карета была небольшой, и Сигна вся напряглась и вжалась в сиденье, чтобы случайно не задеть ноги спутника, которые тот широко расставил с завидным комфортом в таком тесном салоне. В следующее мгновение, когда Альберт погрузил дорожный сундук и уже взобрался на облучок, раздался щелчок вожжей, и лошади рванули с места.

Дымчато-серые глаза Сайлеса на секунду встретились с глазами Сигны, прежде чем он раскрыл газету и положил на колени. Не уверенная, как стоит себя вести, она огляделась в поисках второй газеты, но ничего не увидела.

– Значит, вы не мистер Хоторн? – спросила Сигна, чув-

ствуя необходимость завести хоть *какой-то* разговор. В книге «Руководство для леди по красоте и этикету», доставшейся ей после маминой смерти, она вычитала, что незамужней девушке совершенно непозволительно оставаться наедине с любым мужчиной. Но учитывая роскошную карету и рассказы о семействе, не оставалось сомнений, что Хоторны богаты и принадлежат к высшему обществу, а следовательно, порядочны. Возможно, правила из книги уже устарели? – Мистер Хоторн или Лилиан не смогли лично сопроводить меня?

Сайлес тихо вздохнул и еще дальше вытянул длинные ноги. Он явно был слишком высоким для такой кареты, и ему приходилось горбиться, словно вороне на шесте.

– Лилиан мертва, а дочь мистера Хоторна, мисс Блайт, больна. Поэтому нет, они не смогли.

Сигна напряглась. Похоже, что Ангел смерти проложил ей дорогу в Торн-Гров.

– Мне жаль, что вас никто не проводил, – пробормотал Сайлес, которому, очевидно, так же неловко было вести светскую беседу, как и ей.

– Все нормально, я привыкла справляться сама. – Кроме того, единственным провожающим могла быть только тетя Магда, а с ней Сигна предпочитала никогда не видеться впредь. Каждый блуждающий дух был привязан к земле сильными эмоциями, например злостью или скорбью. Она видела, как рыдающие женщины выглядывали в окна, а разъяренные духи метались из стороны в сторону, погрязнув в

бескрайней злости. Сигна привыкла к их поведению и научилась избегать, так как духи обычно бродили по одним и тем же местам, пока не решались наконец покинуть мир.

За свою жизнь Сигна знала только двух ушедших духов. Но большинство, подобно тете, бьющейся в двери кареты и кричащей – *не смей уезжать, ведьма! Не смей бросать меня здесь!* – могли годами блуждать по земле, питаясь своими самыми сильными эмоциями.

Но они удалялись от дома вдоль мощенных булыжниками улиц, где осенний ветерок разносил густой аромат корицы и яблок. И отъехав уже достаточно далеко от духа тети, Сигна вздохнула с облегчением и только прислушивалась к редким шорохам переворачиваемых страниц.

– Вы, похоже, радуетесь отъезду, – заметил Сайлес, не отрывая взгляд от газеты.

Сигна, не задумываясь, хмыкнула, подтверждая верность его слов.

– Это худшее место на свете, – добавила она, прислонившись головой к окну и устраиваясь поудобнее.

И не заметила, как Сайлес крепче сжал края страниц. Не заметила мрачной тени, промелькнувшей на его лице, как он сжал зубы и глубже погрузился в чтение.

Если бы она тогда заметила эти знаки, то, возможно, дважды подумала о визите в Торн-Гров и о своем будущем там.

Глава 4

Сигна не ожидала, что придется пересесть на поезд, чтобы добраться до нового дома. И, почувствовав запах дыма, закрыла окна, решив, что они просто проезжают мимо вокзала. Но когда карета остановилась, Сайлес вложил ей в руку желтый билетик. Прежде она никогда не ездила на поезде, хотя читала в газетах, какие они невероятно быстрые, новый способ передвижения, современная роскошь. Сайлес тихонько кашлянул, чтобы вывести ее из оцепенения, и Сигна выскользнула из кареты. В тот момент, когда ноги коснулись земли, она оказалась в другом мире.

Железнодорожная станция представляла собой высокое здание сланцево-серого цвета, с циферблатом на фронтоне, который можно было назвать только гигантским. Часы пробили час дня, и по станции словно разнесся звук гонга.

Полы внутри пожелтели от грязи. Над переполненными мусорными баками роились мухи, а в воздухе висел запах мускуса, характерный для такого сборища людей. Духи здесь тоже были. Мужчина в длинном черном пальто, протершемся по краям, сидел на скамейке и мрачно наблюдал за прохожими. Сигна отвела взгляд, обходя его стороной.

Несмотря на всю грязь, чувствовалось в станции что-то величественное. Тут были и мужчины в деловых костюмах с самыми дорогими тростями в руках, и женщины в шляпках

и хлопковых дневных платьях, суетящиеся вокруг, всем находилось здесь место. Одни сидели на установленных возле каждой платформы скамейках, просматривая газету или покуривая сигарету. Другие спешили, сжимая в руках багаж и посматривая на возвышающиеся огромные часы.

По залу, широко расправив грудь, шагал пожилой джентльмен в сопровождении широко улыбающейся женщины, которая никак не могла налюбоваться на свое кольцо. Разыгравшееся после долгих дней одиночества воображение Сигны тут же нарисовало историю, представляя их молодоженами, отправляющимися в медовый месяц. Сигна представила уложенные в дорожный сундук женщины нарядные платья, сшитые из тончайших тканей, чтобы та могла чувствовать соль на коже, когда будет прогуливаться с возлюбленным по морскому побережью. Желания захлестнули ее, такие пылкие, что она заставила себя отвернуться от пары. Каково быть такой женщиной? Когда тебя увозит красивый мужчина, а ты не можешь перестать улыбаться, глупея от счастья?

Сбоку от нее что-то пробормотал Сайлес, и Сигна кивнула, притворившись, что слушает, утонув в своих мечтах и невиданном прежде море людей. Ей едва удавалось лавировать между ними, пока они с Сайлесом шли через станцию в сопровождении услужливого молодого проводника, которому хватило одного взгляда на ее билет, чтобы предложить помощь с багажом. Он был очень тяжелым, но Сайлес не

предложил мальчику свою помощь, сохраняя каменное выражение лица и не произнося ни слова, словно намеренно игнорируя сопровождающего.

– Купе будет в вашем распоряжении, мисс, – хрипло произнес проводник под весом багажа. – Самое лучшее в поезде.

Сигна никогда прежде не бывала в столь людном месте, пространство вокруг выглядело величественным и необъятным. Казалось, что сделай она всего шаг в сторону, и потеряется навеки. И, хотя Сайлес всегда выглядел так, словно съел лимон, она радовалась даже такому спутнику на случай, если все-таки заблудится.

– Вы часто путешествуете? – спросила она.

Но ответ последовал от проводника, шагающего рядом с ней.

– Не часто, мисс. Я бы с радостью, если бы удалось вырваться, но меня заваливают работой.

Сигна посмотрела назад, где последний раз видела Сайлеса, но обнаружила, что тот исчез. Сделав глубокий вдох, она оглядела толпу, пока не заметила его прямо перед собой, уже садящегося в поезд.

На мгновение ее охватила паника, и она повернулась к служащему, подхватив дорожный сундук.

– Дайте его мне, – попросила она. – Дальше я справлюсь сама.

Проводник вздрогнул, но только крепче сжал его.

– Не стоит беспокоиться, мисс. Он слишком тяжелый для

леди и...

Боясь тратить остатки времени на споры, она вырвала сундук из его рук. Тот и вправду оказался невероятно тяжелым, сбитый из красного дерева с железным замком. И явно не предназначался в качестве сумочки для девушки на каблучках и в траурном платье, но Сигна не сдавалась. Сжимающий грудь страх от разлуки с единственным человеком, который знает, куда она направляется, и не даст потеряться, ощущался гораздо хуже тяжестей.

– Большое спасибо за помощь. Дальше я справлюсь сама, – бросила Сигна и поспешила за Сайлесом, стараясь шагать как можно шире, несмотря на сгибающуюся спину и дрожь в руках. Несколько человек предложили помощь, но кондуктор уже объявил, что посадка заканчивается, и Сигна думала только о том, как вместе с неподъемным багажом попасть туда, где ей следует быть, и не потерять этого дьявола, Сайлеса Торли.

К тому моменту, как она забралась в поезд, ее лицо блестело от пота, а дыхание стало таким тяжелым, что люди старались не смотреть на нее.

Даже нагруженная, как тяговая лошадь, Сигна не могла не восхититься красотой поезда. Внутри было даже лучше, чем она ожидала, перила из кованого железа и массивные деревянные столы, по обеим сторонам от которых стояли скамьи, оббитые красной кожей. В ее билете значилось отдельное купе, в котором уже ждал Сайлес, развалившись на рос-

кошном бархатном сиденье и закинув ноги на такое же бордовое сиденье напротив. Он бросил взгляд на Сигну и поморщился.

– О боже. Я и не знал, что женщина может так вспотеть.

Будь Сигна в самом деле ведьмой, то, вероятно, сварила бы Сайлеса заживо.

– Я бы так не вспотела, если бы вы не бросили меня, решив убежать вперед, *сэр*.

Сайлес отвратительно и подло усмехнулся в ответ.

– Я должен был догадаться, что вы меня не слушаете. Не будь вы такой рассеянной, то услышали бы мое замечание, что я пойду вперед и проверю, все ли в порядке в нашем купе.

Сигна прикусила язык. Сейчас, после его напоминания, она действительно вспомнила, что Сайлес мог сказать что-то в этом роде, и да, она действительно кивнула. Но все же ему следовало не мямлить себе под нос.

Не найдясь, что ответить, она принялась засовывать свой багаж на верхнюю полку. Руки задрожали под тяжестью сундука, когда она попыталась поднять его над головой. Сигна воспользовалась поводом повернуться к Сайлесу спиной, но ей не совсем удавался задуманный маневр. Мышцы горели и после нескольких минут невероятных усилий и боли окончательно сдались.

Она отшатнулась назад, тут же поняв, что вскоре нанесет смерти новый визит, когда будет раздавлена дорожным сун-

дуком. Но прежде чем она успела упасть, Сайлес вскочил на ноги, поддерживая ее сзади. Сигна вся вспыхнула, когда он прижался грудью к ее спине. Никогда прежде она не была так близко к мужчине.

Но он, похоже, не разделял ее замешательства. Пока она могла думать только о его крепкой груди, Сайлес шагнул в сторону и перехватил багаж, уложив его наверх.

– Зачем вы потащили такую тяжесть? – удивился он. – Не будь меня здесь, этот сундук мог упасть вам на лицо. Что бы вы тогда делали?

– Полагаю, осталась бы без лица, – возмущенно ответила Сигна. – И повторю, что тащила его, потому что мне пришлось догонять вас. Я испугалась, что вы меня бросите.

Сайлес фыркнул и упал обратно на сиденье, снова вытянув ноги.

– Следовало предупредить, что вы так медленно ходите. Зная это, я сам мог бы вас понести.

Сигна уселась напротив, размышляя, не в качестве ли испытания ей послан спутник с таким дурным характером. Поджав колени, так чтобы они не касались его, она улыбнулась резкой, как лезвие бритвы, улыбкой, обращаясь к своему попутчику:

– Не желаете ли сесть более прямо, мистер Торли?

Сайлес оглядел себя.

– Разве я неправильно сажу?

Боже правый, ей понадобится выдержка, чтобы справиться-

ся с этим человеком. Мысом пыльного ботинка она постучала по его коленке, затем по второй, его ноги были слишком широко расставлены.

– Вы сидите так, словно меня здесь нет.

Он медленно моргнул, и, хотя Сигна знала, что он все понял, извинений и других действий не последовало. Сайлес только рассмеялся и закрыл глаза, словно решил вздремнуть.

– Вы крайне прямолинейны.

Она из всех сил старалась быть вежливой, но этот мужчина ее ужасно раздражал. Что-то таилось в его замкнутости и постоянном пристальном взгляде, словно он уже решил, что от нее одни неприятности. И ее хорошие манеры уступили место резким словам. Сигна едва могла сдерживаться, когда вцепилась в платье и задрала его до колен, обнажая ноги настолько, чтобы подобно Сайлесу раздвинуть их в разные стороны.

– Похоже, мои манеры так же безупречны, как и ваши. Я ожидала, что человек в вашем положении будет вести себя более вежливо.

– И какое же это положение, мисс Фэрроу?

– Спутника леди.

– Леди? – Он приоткрыл глаза, оценивая ее неприличную позу и задранное платье, прежде чем снова их закрыть. – Дайте знать, когда мы ее встретим, и я с удовольствием ее сопровожу.

Игнорируй его, приказала она себе, выдавив испепеляю-

щую улыбку. Ты должна вести себя как леди. Сдержанно и грациозно. Затем поправила платье и сложила руки.

Притворяясь спокойной, Сигна обвела взглядом купе. И увидела сбоку от них тележку со сладостями и выпечкой. Здесь были ириски с морской солью, упакованные в коробки липкие булочки, покрытые густым сиропом и золотистыми грецкими орехами, крошечные пирожные, из которых сочилось сливовое желе, и многое другое. Она забыла обо всем, пожирая глазами сладости, и чуть не подпрыгнула, когда Сайлес прошептал:

– Могу я предложить вам платок, мисс Фэрроу? Кажется, у вас слюна на подбородке.

Собрав всю выдержку, чтобы не бросить на него полный ненависти взгляд, Сигна спросила:

– Это все нам?

Сайлес скучающим взглядом посмотрел на тележку. У него не потекли слюнки и не заурчало в животе.

– Должно быть, еда включена в стоимость купе, – только и ответил он. Сухо. Расчетливо. Словно в воздухе не витал аромат угощений. И Сигна поймала себя на мысли, есть ли в нем вообще что-то человеческое.

В «Руководстве для леди по красоте и этикету» утверждалось, что, обедая в обществе, крайне важно соблюдать правила. Следует есть блюда определенными вилками и в строгом порядке. Но сладости так манили к себе, что желудок Сигны громко протестовал против нерешительности.

Она в ужасе замерла, надеясь, что он ничего не услышал. Однако удача редко ей улыбалась.

Сайлес поднял изящную бровь, когда подался вперед и взял Сигну за руку. И хотя она была в перчатках, но словно застыла, когда он вложил платочек ей в ладонь.

Его голос прозвучал вкрадчиво:

– Вся ваша боль написана на лице.

Она сжала платок, перебирая в голове сотни фраз, которыми хотела бы ответить, но не придумала ни одной подходящей или вежливой. И ответила наконец:

– Я плотно позавтракала. Нужно знать меру.

На губах Сайлеса мелькнула улыбка. Такая странная, колкая и мимолетная. Исчезла, не успев появиться.

– Будет обидно, если пропадет столько еды, мисс Фэрроу. Особенно учитывая, что это ваш подарок. Из уважения к мистеру Хоторну съешьте хоть что-нибудь.

Возможно, в Сайлесе все-таки скрывалось что-то хорошее. Сигну не пришлось долго уговаривать, и она подкатила тележку, тут же потянувшись за пирожным с ярко-желтым заварным кремом и глазированными клубничинами, посыпанными сахарной пудрой. Поскольку тарелок и столовых приборов не оказалось, она сняла перчатки и взяла пирожное прямо руками.

– А вы, значит, не проявите уважения к мистеру Хоторну? – бросила она вызов Сайлесу, откусывая очередной кусок и стараясь изо всех сил, чтобы не застонать от удоволь-

ствия. Кажется, она уже вечность не ела такой невероятной вкуснятины. Расправившись с пирожным меньше чем за минуту, она перешла к политой сиропом булочке.

Он с недоумением посмотрел на сладости, словно сама идея что-то съесть была для него в новинку. Затем заглянул в тележку, внимательно просматривая содержимое, прежде чем выбрал крошечное пирожное с апельсиновым джемом. И когда откусил кусочек, его тело немного расслабилось, а лицо просветлело. Съев одно, он посмотрел на тележку в поисках второго.

– Расскажите о вашей работе с мистером Хоторном, – попросила Сигна, беря кусочек фруктового пирога. Тема для разговора казалась вполне простой, ничего личного и обременительного. Но Сайлес все же замешкался с ответом.

– Раньше я тесно работал с его женой, но удивлюсь, если Элайджа вообще знает о моем существовании.

– Он послал вас сопровождать меня, – заметила Сигна, стараясь удержаться и не облизать пальцы. – Разумеется, он знает о вас.

Сайлес откусил, наверное, самый огромный кусок, который вообще способен откусить человек, а затем сказал:

– Меня послал один из его приближенных. Дочь мистера Хоторна умирает от болезни, забравшей ее мать. Так что сейчас он не в том состоянии, чтобы запоминать имена.

Она была рада возможности промолчать, прожевывая ириску во рту и размышляя, каким будет ее будущее в Торн-

Гров. Вдруг это путешествие лишь жестокая шутка, чтобы по прибытии она обнаружила, как Ангел смерти уже всецело властвует там. Возможно, это его следующий ход в тщательно продуманной шахматной партии, а она не может отделаться от роли пешки. Или... возможно, он действительно пытался оправдаться перед ней.

– Моя очередь задавать вопросы, – прервал ее раздумья Сайлес. – Вы знаете, во что ввязываетесь, принимая приглашение в Торн-Гров?

Она почти ничего не знала об этом месте, но, хотя вопрос прозвучал пугающе, ответ оставался неизменным.

– Это неважно. Мне некуда больше идти.

Сайлес повернулся к окну, за которым мощные улицы сменились сверкающим океаном. Вид навел ее на мысль: расположен ли Торн-Гров рядом с океаном? Или там будет лес, а может, только раскинувшиеся пологие поля?

– Вашего приезда хотела бы Лилиан, – наконец произнес Сайлес. – Она была не из тех, кто проходит мимо сироты.

Сирота. Сигна ненавидела это слово. Ненавидела, что большинство людей одним им так детально описывали всю ее жизнь.

– А само поместье? – поспешила сменить тему она. – Оно старое?

– Торн-Гров прекрасное место. Мне рассказывали, что оно передается по наследству много поколений.

Сигна едва не поморщилась, доедая пирог. Такие древние

места, вероятно, кишели духами, которых она так старательно избегала.

– А мистер Хоторн деловой человек? – продолжила она, чтобы не заикливаться на этом. – Он связан с банковским делом?

И удивилась, увидев, как губы Сайлеса изогнулись в ехидной насмешке.

– Не с банками, нет. Семья Хоторнов владеет самым известным мужским клубом во всей стране. В него входят герцоги и графы. Даже принцы, насколько я слышал. Только самые богатые и знатные люди. Так что забот у него хватает.

Сигна нахмурилась. Идея клуба только для состоятельных джентльменов казалась нелепой.

– А для женщин у них тоже есть клуб?

На лице Сайлеса застыло замешательство.

– Для женщин? Разумеется, нет.

– Тогда как насчет совместного клуба для всех?

Сайлес оторопел.

– Ничего подобного.

– Как жаль, – Сигна прислонилась головой к окну. – Принимай клуб больше людей, Хоторны были бы вдвое богаче. – Она легко произнесла эти слова, потому что в купе чувствовала себя очень уютно, даже в компании Сайлеса. Конечно, он был грубым, но вовсе не жестоким. И за последний час даже немного повеселел. – Вы тоже занимаетесь клубом, мистер Торли?

Он перевел взгляд на тележку, бегло рассматривая оставшиеся сладости.

– Нет. Раньше я работал в саду, но после смерти миссис Хоторн его закрыли. С тех пор я присматриваю за лошадьми.

Сигна посмотрела на его ботинки, дорогая кожа, совершенно не затертая, как можно бы ожидать от обуви конюха. Перчатки тоже выглядели новыми, как и пальто с блестящими серебряными пуговицами и крошечными рубиновыми запонками. И, хотя причин врать у него не было, Сигне оказалось трудно поверить, что мистер Хоторн послал конюха сопровождать ее. Но она не высказала свои мысли вслух, решив не портить наладившееся общение.

– Почему закрыли сад? – Сигна взяла ириску и откинулась на бархатную подушку. Хотя ее захлестнула волна удовольствия, она также чувствовала усталость от такого количества сладкого, и при взгляде на океан ее глаза начинали слипаться.

– Потому что именно в саду миссис Хоторн проводила большую часть времени. Ее похоронили там же, под цветами. – В его монотонном голосе было что-то успокаивающее. Никаких неожиданных интонаций, ни эмоций. Только убаюкивающий покой, в который она погружалась.

– Она умерла легкой смертью? – Вопрос странно повис в воздухе, и она тут же пожалела о нем. Редкий человек описал бы смерть словом *легкая*. Но, к счастью, Сайлес понял, что она имела в виду.

– Полагаю, вы видели, как увядает цветок, мисс Фэрроу? Так случилось и с Лилиан. Она напоминала прекрасный цветок, любимая всеми, кто ее знал. Даже болезнь любила ее так сильно, что сжалилась. Она хотела забрать Лилиан себе и не мучила долго.

– Какого рода болезнь?

Он нахмурился.

– Совершенно загадочная. Доктора так и не смогли определить. Еще вечером Лилиан была полна сил и энергии, а на следующее утро ее рвало кровью. Еще спустя пару дней она не смогла разговаривать. Из-за болезни у нее загноился рот, и в итоге она лишилась языка.

Сигна опять повернулась к окну, но краем глаза заметила, как Сайлес нервничает.

– Простите, если оскорбил вас. – Его голос звучал искренне. – Не подобает вести такие разговоры. Приношу свои извинения.

Он не мог видеть, как Сигна сжала кулаки, спрятав руки в складках платья.

– В этом нет ничего оскорбительного, сэр, – ответила она. – Просто иногда я гадаю, почему смерть так беспричинно жестока.

Его лицо исказилось.

– Думаю, для человека, перенесшего столько боли, сколько Лилиан, смерть могла бы показаться милосердием.

Сигна пыталась уловить смысл в его словах. Но перед гла-

зами стояла тетя Магда с кровавыми губами и пустыми глазами, падающая на пол. И могла думать только о том, как ненависть тети удержала дух от путешествия в загробную жизнь и привязала к земле на долгие годы.

– Возможно, – едва прошептала она, – но не думаю, что это оправдывает жестокость смерти.

– Почему вы так говорите?

Она сложила руки на коленях, стараясь, чтобы в голосе не звучала горечь.

– Потому что смерть милостива только к мертвым, мистер Торли. А на оставшихся живых ей совершенно наплевать.

Глава 5

С кленовыми листьями в поместье Торн-Гров было что-то не так. Разбросанные по лужайке, они имели более насыщенный цвет, чем Сигна когда-либо видела. Некоторые темно-кофейного цвета, другие ярко-красные, словно засохшая кровь.

Ухабистая дорога, по которой они ехали в новой карете, сойдя с поезда, превратилась в ровный булыжник, такой белый и нетронутый, что казалось, будто кто-то опустил на колени и отчистил каждый камень. Вдоль бесконечной дороги, ведущей к поместью, тянулась высокая ухоженная живая изгородь, некоторые кусты даже закрутили в изящные спирали или придали им форму лошадей и лебедей.

Фасад Торн-Гров производил невероятное впечатление. Огромное поместье, отделанное песчаником, походившее на то, каким, по ее представлению, раньше владели родители, возвышалось на пожелтевших холмах, уже приветствующих приход осени. Окна были в три раза выше ее, а остроконечную красную крышу охраняли крылатые существа. Красивые лакированные кареты, запряженные мускулистыми лошадьми, быстро въезжали через кованые ворота, увитые жасмином и плющом.

По лужайкам бродили десятки людей. Джентльмены и дамы в лучших нарядах стремительно входили и выходили из

поместья, изящно держа бокалы и смеясь.

Происходящее являлось полной противоположностью жизни в доме тети Магды. Во всем сквозила роскошь. Внутренний двор окружали величественные колонны с золотыми завитками. На втором этаже миллионами цветов сияли изящные витражи. Даже сама почва выглядела более плодородной, чем за воротами, с бушующей сочной зеленью. Сорняков не было, а крошечные оранжевые и желтые полевые цветы покрывали холмы, уходящие вдаль, к густой роще — началу леса.

Сигну очаровало это место. Прижавшись к окну кареты, отчего то даже запотело, она не отводила глаз от развернувшегося пейзажа и чувствовала себя серой мышкой, такой маленькой и незначительной среди подобного великолепия.

Когда карета остановилась, она едва сдерживалась, помня о приличиях, чтобы не выскочить и не броситься на исследование этого нового мира. Но вместо этого терпеливо ждала, пока кучер спустится и откроет перед ней двери. Когда те распахнулись, Сигну окутала волна свежего осеннего воздуха, принося запах травы, земли и опавших листьев. Ветер играл ее темными локонами, и она приветственно вдохнула его, направляясь к величественному поместью.

Трое незнакомцев, стоящих на широкой террасе, заметили Сигну издалека. Дородный мужчина в годах, кроткая на вид женщина и самый суровый молодой человек, какого ей когда-либо приходилось встречать. Он стоял на пороге Торн-

Гров в идеально подогнанном роскошном темно-синем костюме, расправив плечи и наблюдая за входящими гостями. И хотя выглядел слишком молодо, чтобы быть опекуном Сигны, но горделивая осанка давала понять, что он чувствует себя здесь как дома.

Просто стоять на месте было бесполезно, но она медлила, жалея, что у нее нет зеркала. Сгодились бы что угодно, пруд или гладкий камень, в чем можно разглядеть свое отражение и убедиться, что она прилично выглядит. И Сигна возилась с траурным платьем, разглаживая грубый бомбазин в попытке придать ему более презентабельный вид.

– Это ведь не мистер Хоторн, правда? Ох, он слишком молодо выглядит. Быстро отвечайте, я нормально выгляжу? – Она посмотрела на Сайлеса, бросившего на нее всего один взгляд своих дымчато-серых глаз. Ее волнение немного смягчило его настрой.

– Это не Элайджа, – ответил он. – И вы прекрасно выглядите, мисс Фэрроу. Учитывая долгое путешествие, уверен, они поймут ваш изможденный вид.

Она задумалась, пытался ли он таким образом успокоить ее.

– Я была бы очень благодарна, мистер Торли, если бы вы меня представили.

Но он отступил, опустив голову.

– Поверьте, лучше мне этого не делать. Мистер Хоторн не очень-то распространялся о вашем приезде, и не все благо-

склонно посмотрят на то, что человек с моим статусом сопровождал такую леди, как вы. Боюсь, вам придется сделать это самой.

Большого от него узнать не удалось, так как Сайлес уже убегал вниз по холму в сторону конюшен. Охваченная паникой, оставшись в полном одиночестве в окружении одних лишь падающих листьев, Сигна сглотнула и попыталась унять свое беспокойство, вспоминая главные уроки этикета из книги матери.

1. *Женщине следует всегда улыбаться.*
2. *Протянутую в знак приветствия руку нельзя трясти, а следует легко по-дружески пожать.*
3. *Для женщины кротость и скромность считаются самыми почитаемыми добродетелями. Ими нельзя никогда пренебрегать.*

Сигна с трудом верила в обязательность третьего правила для всех. Хотя ради своего будущего стоит попытаться. Приподняв юбки, она зашагала к особняку, провожаемая любопытными взглядами и перешептываниями. И вот, шаг за шагом, она поймала себя на мысли, что сейчас больше всего мечтает забиться в самый темный угол.

Считалось невежливым появляться на вечере в траурном платье, но какой у нее выбор? Казалось, сейчас у нового опекуна не самое подходящее время для подобных празднеств, хотя не ей об этом судить.

Когда Сигна приблизилась к юноше на крыльце, то заметила по его гладкому лицу и напряженному взгляду, что он даже моложе, чем показалось прежде, и всего на пару лет старше ее. Вблизи он напоминал лису с ярко-зелеными глазами, которые смотрели приветливо, но слегка прищуренно, когда он уставился на нее сверху вниз. Волосы юноши выгорели на солнце, так что его нельзя было назвать шатеном или блондином. Глубокого рыжего цвета, они напоминали блестящую медь. У него слегка отвисла челюсть, когда он увидел Сигну, хотя явно пытался скрыть свое неодобрение.

– Мисс Фэрроу? – спросил пожилой мужчина рядом с ним. Полноватый с зеленоватым цветом кожи и пышными черными усами, одетый в хороший черный костюм. Несмотря на улыбку, его глаза смотрели мрачно и устало. – Добро пожаловать. Меня зовут Чарльз Уорик, я служу дворецким в Торн-Гров.

– Как хорошо, что вы прибыли, – вмешался юноша, все еще пребывая в замешательстве от ее внешнего вида. – Отец предупредил о вашем приезде только утром. Добро пожаловать, кухня. Меня зовут Перси Хоторн.

Сигна протянула руку, и, когда кузен протянул свою после секундного замешательства, она изо всех сил старалась, чтобы пожатие вышло правильным. Перси натянуто улыбнулся, отпуская руку и убирая ее за спину. Возможно, ее пожатие оказалось слишком сильным, недостаточно дружеским? Или в подобной ситуации вообще стоит обходиться реверансом?

Автору «Руководства для леди по красоте и этикету» стоило быть конкретнее.

– Мы рады принять вас, мисс Фэрроу. – Сигна с облегчением переключила внимание на красивую женщину со светло-персиковыми волосами в небесно-голубом платье. – Вас никто не сопровождал? – Она перевела взгляд вдаль, словно ожидая увидеть там еще кого-то. Но когда никто не появился, положила руку на плечо Сигны. – Впрочем, ладно. Я Марджори Харгривз, гувернантка дочери хозяина, а теперь также и ваша. Комната уже готова. – Ее голос звучал мелодично, словно песня. – Если вам что-то понадобится, я с удовольствием... – Она подпрыгнула, когда со стороны входа послышался звук бьющегося стекла, сопровождаемый смехом... мягко говоря, нетрезвым.

Всего на мгновение глаза Перси вспыхнули, но он тут же взял себя в руки.

– Уорик проследит, чтобы ваши вещи доставили незамедлительно. Проблем с размещением возникнуть не должно.

Марджори жестом пригласила ее следовать в дом, и как только Сигна переступила порог, то поняла, что кузен прав. Дом оказался даже великолепнее, чем она могла представить. Если бы ее разместили в конюшне, даже там она чувствовала бы себя прекрасно. Места хуже дома тети Магды просто не существовало, но Торн-Гров находился словно в другом мире. Только людей здесь, определенно, было много.

– Мистер Хоторн что-то празднует? – спросила она в на-

дежде, что подобные вечера являлись редкостью. Перси нахмурился и уже открыл рот, чтобы ответить, но Уорик быстро вмешался.

– Сегодня не будет ничего примечательного. Если вы хотите присутствовать на вечере, то не беспокойтесь, их будет еще великое множество. И в будущем вы еще не раз сможете выйти в свет, когда подготовитесь, в подходящем наряде.

Сигна провела по платью влажной рукой.

– Идемте, – ободряюще улыбаясь, позвала Марджори. – Вы, должно быть, устали с дороги. – Она подпрыгнула от новых звуков бьющегося стекла из бального зала, за которыми последовал еще более громкий смех, хотя ни на секунду не отвела глаз от Сигны.

Но Перси явно был рассеян.

– Не терпится познакомиться с вами поближе, кузина. Добро пожаловать в Торн-Гров. – Держа шляпу в руках, он поклонился, прежде чем резко развернулся и устремился к разлетающемуся стеклу со спешащим следом Уориком. И хотя Сигне стало крайне любопытно, Марджори не дала воображению разыгаться.

– Идемте, – повторила она. – Я покажу ваши апартаменты.

Марджори повела Сигну по одной из двух великолепных лестниц из красного дерева, ведущих на второй этаж трехэтажного особняка. Гувернантка поддерживала вежливую светскую беседу, но продолжала смотреть в пол, вытягивая шею, чтобы украдкой взглянуть на праздник вокруг. Она так увлеклась, что не заметила мужчину, облокотившегося на перила в форме выющихся ветвей, соединяющие две лестничные площадки.

Однако его заметила Сигна. Обратив внимание на угольно-черные волосы, длинный заостренный нос и злобещий взгляд, устремленный напрямиком на Марджори. Когда незнакомец подался вперед и схватил ее за руку, гувернантка едва не выпрыгнула из кожи.

– Почему вас так сложно найти, мисс Харгривз? – Его голос оказался низким и отталкивающим, как будто у него что-то застряло в горле. Мужчина носил ботинки из самой тонкой кожи, которую доводилось видеть Сигне, а дорогой черный костюм с пуговицами из оплавленного серебра, похоже, был сшит на заказ. В руках он крепко держал трость из потрясающего розового дерева с бронзовой рукоятью в форме птичьего черепа. – Я повсюду вас ищу.

– Дотронетесь до меня еще раз, и я перекину вас через перила, Байрон. – Марджори вырвала свою руку и положила на спину Сигне, довольно настойчиво подталкивая ее вперед. – Идемте, Сигна. Не обращайтесь внимания на подобных гостей.

Им вообще запрещено находиться на верхних этажах.

— Я не гость, мисс Харгривз, — мужчина попытался продолжить разговор, но они уже спешили вверх по лестнице, и Марджори не уделила ему ни секунды, к полному разочарованию Сигны. Она не любила головоломки, так как имела дурную склонность к непреодолимому желанию их решить. И потому верила, что жизнь была бы куда проще, если бы все ответы лежали на поверхности.

Она всего час находится в Торн-Гров, а дом уже полон секретов. Казалось странным, что мистер Хоторн устроил прием прямо в день ее прибытия, не говоря о том, что отправил конюха в качестве сопровождающего и вообще до последнего держал в секрете ее приезд. И что все праздновали внизу в столь ранний час под звуки бьющегося стекла и неудержимого смеха? Она хотела уже спросить, но по напряженной позе Марджори поняла, что сейчас не лучшее время. Сигна чувствовала себя нищей без возможности выбора, необходимо тщательно разыграть те немногие козыри, которые у нее имелись.

Кожа начала зудеть при мысли о том, не было ли все вокруг ловушкой. Хитрой уловкой Ангела смерти. Знал ли он о приглашении Элайджи? Или лично способствовал этому, но тогда как именно?

Потребовалась целая вечность, чтобы пройти по длинным тускло освещенным коридорам, прежде чем они добрались до новых комнат Сигны, в которых почти полностью мог

бы уместиться дом тети Магды. Тут располагались и гостиная, и спальня, и личная ванная, все соединялось в огромные покои. Обои в гостиной красиво сменялись всевозможными оттенками зеленого, а на стеклянных дверях, ведущих на балкон, висели бархатные золотистые шторы.

Великолепные полы из красного дерева покрывал огромный персидский ковер, и Сигне нестерпимо захотелось походить по нему босиком. Белоснежный потолок с широкой лепниной, украшенной искусно сделанными лозами и цветами, прекрасно гармонировал с камином, на котором в изящных стеклянных вазах цвели желтые пионы. Мягкие кресла были скрупулезно расставлены вокруг, а позади, ближе к окну, стоял изящный деревянный стол для рисования. Из щели между занавесок на него падал теплый и манящий свет, создавая ореол.

При взгляде на комнату у Сигны замерло сердце. Это было самое прекрасное место, в котором она бывала, и каким-то чудом оно принадлежало *ей*.

– Смогу ли я увидаться с мистером Хоторном сегодня? – поинтересовалась она. – Мне бы хотелось поблагодарить его за приглашение.

– Хозяин очень занятой человек, – ответила Марджори, помогая расстроенной Сигне снять пальто. Она направилась к шкафу, чтобы повесить его, но, увидев пятно от ягод белладонны, поморщилась и перекинула пальто через руку, решив отнести в стирку. – Но я поговорю с ним о планах в от-

ношении вас. И могу заверить, что вы будете окутаны заботой. Утром с вас снимут мерки для новых платьев, сразу после занятий.

Волосы Сигны хлестнули ей по лицу, когда она резко повернулась к женщине.

– Занятий?

Смех Марджори звучал нежно, словно шелк.

– Вы молодая особа, мисс Фэрроу, а я гувернантка в этом поместье. Не уверена, каким прежде было ваше образование, но пока вы здесь, я буду готовить вас к замужеству и к тому, чтобы однажды вы смогли управлять собственным домом. Полагаю, вы еще не дебютировали?

– Вы правильно полагаете. – Луч надежды снова блеснул перед ней. Ее охватило предвкушение, что вот сейчас ей предоставят именно то, к чему она стремилась – доступ в общество. Она сможет посещать вечера в сопровождении красивых поклонников, а после, за чаем, сплетничать о них с подружками. Одна мысль об этом угрожала разорвать ее сердце. И такое будущее открывалось прямо перед ней.

– В таком случае мне есть чему вас научить, и у нас крайне мало времени. – Марджори положила руку на талию, все еще улыбаясь. – Начнем завтра же?

Несмотря на всю усталость, Сигна могла начать прямо сейчас. Сердце в груди трепетало и томилось ожиданиями. Но до вступления в наследство оставалось больше полугода, и если она хотела задержаться в этом поместье, если собира-

лась получить свободу жить той жизнью, к которой стреми-
лась, то нужно убедиться, что смерть не сможет дотянуться
ни до кого в Торн-Гров. Не говоря уже о ее собственных ру-
ках.

И хотя она знала, что сейчас руки не опасны, но все равно
убрала их за спину и улыбнулась.

– Завтра было бы отлично.

– Замечательно. – Марджори поправила пальто на руке. –
В таком случае вы можете потратить остаток вечера на обу-
стройство. Можете осмотреть любой из верхних этажей, но
я прошу вас держаться подальше от первого этажа, пока там
гости. Сегодня ужин вам подадут сюда, так что отдохните,
пожалуйста. Уверена, вы очень устали.

Так оно и было. Но когда Марджори покинула покои, тихо
прикрыв за собой двери, Сигна знала, что не сможет отды-
хаться. Как только шаги гувернантки затихли, она тут же рас-
пахнула дверь.

Ведь Марджори сама *предложила* ей осмотреть дом.

Глава 6

Сигна умела найти занятие, чтобы скоротать время. Предоставленная сама себе, в каком бы доме ни жила, она проводила много часов у окна или гуляла по окрестностям, желая узнать как можно больше о соседях. Некоторые даже оказывались интересными, например водили странные компании, пока их супруг находился в отъезде, или делились последними новостями с друзьями, которые Сигне удавалось случайно подслушать, прогуливаясь вдоль открытого окна. Она никогда не проводила время с подобного рода людьми, поэтому добытая информация оказывалась совершенно бесполезной. Но для Сигны смысл заключался в том, чтобы заполнить пробелы в этих историях. Она была полна решимости разгадать головоломки и мысленно сочиняла истории для людей, с которыми никогда не подружится.

Торн-Гров также оказался загадкой, слишком манящей, чтобы не обращать внимания.

Сигна отсчитала минуту и двинулась по тускло освещенным коридорам, прижавшись к стене в надежде, что тени скроют ее, когда она на цыпочках подкралась к лестнице.

Формально она не нарушала правил, пока оставалась на лестничной площадке.

Сигна присела на корточки и посмотрела сквозь искусно вырезанные перила-ветви на вечеринку внизу. С тако-

го ракурса ей удавалось разглядеть только мелькающие тени, и приходилось напрягать слух, чтобы расслышать голоса сквозь звуки пианино и скрипки, до нее доносились лишь обрывки разговоров. Ярко сияли огни, отражаясь в золотистых стенах и начищенных серебряных подносах, на которых разносили хрустальные бокалы с шипящим шампанским и миниатюрные изысканные пирожные, предлагая их женщинам в шикарных нарядах и мужчинам во фраках. Все что-то ели, пили или танцевали под наполняющую весь балльный зал музыку. Однако подобные танцы она никак не ожидала увидеть.

Бабушка Сигны часто рассказывала истории о любви своей дочери к вечерам. Именно на балу и познакомились ее родители, и бабушка всегда предсказывала, что Сигна так же встретит свою судьбу. Они никогда не упоминали, что, в конечном счете, эта любовь к торжествам и погубила Риму, и романтизировали ее образ жизни. Годами Сигна слушала истории о матери, которые бабушка рассказывала с большой нежностью, расчесывая ей волосы или укладывая спать, словно истории возвращали родителей к жизни. Сигне нравилось их слушать и представлять, что скоро она последует по стопам матери. Но детство сложилось не так, как она ожидала, и теперь эти истории вызывали в ней жгучую зависть к женщинам, разодетым в шелка и кружева, с их нежными локонами и румянами на щеках. Они наводили на мысли о прекрасном незнакомце, который увлек бы ее на вальс (со-

вершенный в ее исполнении, несмотря на то, что прежде она танцевала только в одиночестве в своей спальне).

Но если верить оставленной Римой книге, то вечер в Торн-Гров был совершенно неправильным. На балах должны быть балльные книжки. Разная музыка для каждого конкретного танца, с множеством правил в движениях. Женщинам не полагалось выпивать больше одного бокала шампанского, так громко смеяться и так фривольно танцевать. Но, похоже, в Торн-Гров никто не заботился об этикете.

Раскрасневшиеся женщины, спотыкаясь, вышли из балльного зала на свежий воздух, икая и обмахиваясь веерами. Ими же они отбивались от настойчивых рук поклонников, пытающихся увлечь их на танец, и вместо этого охотились за изысканными пирожными с розовой и золотистой глазурью. Никто, похоже, не обращал внимания на двух девушек, которых зажали в дальнем углу. Они настолько близко прильнули к мужчинам, что у Сигны стыдливо вспыхнули щеки; она впервые видела, чтобы двое так откровенно обнимались.

Либо ее книга по этикету безнадежно устарела, либо компания совсем не походила на приличное общество.

В следующее мгновение она заметила в толпе знакомое лицо. Это был Перси, стоящий за пределами балльной комнаты и сжавший бокал шампанского, когда изнутри раздались радостные возгласы. Пока все отвлеклись, Сигна спустилась на первую ступеньку для лучшего обзора. И едва могла разглядеть мужчину, балансирующего на спинке сту-

ла, когда тот накренился. Мужчина захлопал в ладоши, привлекая всеобщее внимание. Он, похоже, был доволен собой, а гости наслаждались представлением.

Однако Перси смотрел на него сердито. Так же как и покойной мужчиной с длинным носом, стоявший рядом, который ранее схватил Марджори за руку. Кажется, его звали Байрон.

– Кто-то должен это прекратить, – потребовал Перси. Он выглядел таким суровым, что Сигна уже подумывала ускользнуть обратно в свои безопасные покои, зная, что ей не полагается присутствовать. Но до сих пор она оставалась незамеченной, а любопытство не давало покоя, и она только сильнее вжалась в тень.

– Будет только хуже, если один из нас устроит сцену, – ответил мужчина, поджав губы, когда Перси немного отошел в сторону.

– Сколько месяцев мы должны молча стоять в стороне? Как долго должны позволять ему предаваться фантазиям? Мой отец не ребенок, а этот дом не цирк! Это длится уже полгода, дядя. – Перси так крепко сжал кулак, что, вероятно, раздавил бы бокал в руке, не швырнув его на пол. Темноволосый мужчина вздохнул и отступил на пару шагов, когда Перси рванулся вперед, и взгляды всех устремились на него, включая и мужчину на стуле, которым, как уже выяснила Сигна, оказался Элайджа Хоторн.

Он был розовощеким, с горящими глазами, со светлыми волнистыми волосами, высокий и стройный. В мужчине чув-

ствовалося величие, он излучал изобилие. Все в его внешности говорило о том, что он мог перевернуть мир одной своей улыбкой. И почему-то казался величественнее графов и принцев, окружавших его.

— Учитывая, сколько времени они находятся в нашем доме, я подумал, что было бы простой вежливостью сказать твоим гостям несколько слов, отец.

Перси натянуто улыбался, глядя мимо Элайджи на полный зал гостей, которые уже заскучали, не желая слушать ничего серьезного.

— Мне бы хотелось воспользоваться моментом и поблагодарить вас, что пришли на непрерывное празднование по случаю смерти моей матери.

Музыка стихла, и Элайджа слез со стула, пристально глядя на сына, который не дрогнул под удивленные вздохи.

— Видя, как моя мать не может есть, танцевать, веселиться или хотя бы свободно дышать в последние дни, уверен, она бы оценила, как все вы делаете это бесконечно. — Перси расправил плечи. — И спасибо моему отцу, который продолжает устраивать пиршества в ее честь, так что мы вместе можем отпраздновать ее смерть. — Он закончил тост и поднял бокал.

Все застыли, ожидая слова от хозяина Торн-Гров. Накажет ли он сына за внезапный выпад или как-то исправит неловкую ситуацию. Но вместо этого Элайджа нашел поднос с пирожными и взял его в руки. Сняв одну из перчаток, он подхватил десерт и откусил кусочек, приближаясь к сыну. А

потом вдруг молниеносно запихнул оставшийся кусок тому в рот.

– Да брось, Перси, – рассмеялся Элайджа. – Ты слишком напряжен. Что плохого в том, чтобы расслабиться хоть на одну ночь?

Толпа, которую Сигна не могла видеть, охнула, когда Перси оступился, выплевывая пирожное и с рычанием вытирая розовую глазурь. Она не услышала, что Перси ответил отцу, а только видела, как шевелятся его губы, выплевывая слова, прежде чем оттолкнуться от отца.

Раздался смех, когда Перси отшатнулся назад, а Элайджа потянулся за новым бокалом шампанского.

– Итак, – произнес он, залезая обратно на стул, когда снова зазвучала музыка, словно вообще не прекращалась, – на чем мы остановились?

Перси вылетел из бального зала, бросившись к лестнице, даже когда Байрон потянулся за ним. Он бежал так быстро, что Сигна едва успела встать, не говоря о том, чтобы спрятаться в тень, прежде чем он заметил ее. Ожесточенный взгляд кузена остановился на Сигне.

– Рад снова вас видеть, кузина, – сквозь сжатые зубы процедил он, стараясь унять дрожь в руках, сжатых в кулаки, когда оглядел черное платье, которое она так и не сменила. – Пришли насладиться вечеринкой?

– Прошу прощения. Я прежде не бывала на балах, и... я думала... мне просто хотелось увидеть, на что он похож. –

У Сигны не хватило духу сказать, что глазурь осталась на его подбородке. Она вообще едва не потеряла дар речи. Казалось, что слова, произнесенные громче шепота, могут сломить его.

Но, похоже, Перси не разделял ее мнения, и его голос разнесся словно выстрел, готовый поразить любого на своем пути.

– Что ж, теперь вы знаете. Моя мать умерла несколько месяцев назад, и с тех пор он устраивает эти нелепые вечеринки. Иногда они длятся несколько дней подряд. Или часов, если он впадает в другую крайность и всех выпроваживает. Я бы задумался, почему люди продолжают посещать эти собрания, но оказалось, они просто кучка распущенных плебеев, которым больше нечем заняться.

Сигна не была уверена, выпускает ли он пар, проговаривая все это, или, наоборот, распаляется еще сильнее. Но в любом случае не считала нужным останавливать его.

– Мне очень жаль... – начала она и тут же замолчала, когда он поднял руку.

– Не стоит, кузина. – Вытирая глазурь с подбородка, он протиснулся мимо нее и поднялся по лестнице. – Думайте об этом, как о вашем приветствии в Торн-Гров.

Глава 7

Сигна почувствовала облегчение, когда Перси ушел. Не зная, как его утешить, она просто наблюдала, как кузен поднимается по лестнице и бормочет, что ему нужно проветрить голову. Решив, что не стоит медлить и шпионить здесь, пока кто-нибудь еще не застукал ее, Сигна переместилась с лестницы в тень. И твердо решила вернуться в комнату, чтобы проветрить свою собственную голову и обдумать странное происшествие, свидетельницей которого стала. Но как только она ступила на лестничную площадку, то краем глаза заметила вспыхнувшее белое свечение.

Страх сжал грудь, и она обернулась, учащенно заморгав, чтобы зрение прояснилось. И когда посмотрела по сторонам, там ничего не оказалось.

Возможно, она устала куда сильнее, чем сама осознавала. Все-таки путешествие отняло у нее много сил.

Так она и сказала себе, шагая вдоль коридоров и пытаясь найти свои покои в их бесконечном лабиринте. Торн-Гров оказался более жутким, чем она ожидала. Сигна потеряла руки, заставляя себя шагать дальше.

И хотя внизу царила суэта, но, по мере того как она продвигалась в глубь второго этажа, поместье становилось пустым и мрачным. Изысканных угощений и других признаков торжества не было видно, и издалека доносились только

глухие звуки скрипки. Исчезли белые мраморные колонны, в которых мелькало ее отражение, когда она проходила мимо. На их месте появились странные железные подсвечники, напоминавшие птичьи гнезда. Как и ветви вдоль лестничных перил, они были замысловато сделаны с похожими на ветки несколькими толстыми железными прутьями, торчащими из них, а в центре возвышалась тусклая свеча.

Сигна оглянулась, и белая вспышка снова мелькнула, ускользая от взгляда. На этот раз она могла поклясться, что видела лицо.

Сигна тут же отвернулась, затаив дыхание. Ей оставалось лишь надеяться, что если это *был* дух, то он не понял, что она заметила его. Продолжая идти вперед, твердо решила игнорировать его и добраться наконец до комнаты. Но оказалось сложно не замечать бегущий по коже холодок, пока она проходила вдоль бесконечно тянущихся стен с картинами в позолоченных рамах, каждая вдвое выше нее. С них смотрели люди, которые, должно быть, когда-то здесь жили. Их количество не оставляло сомнений – поместье определенно кишело душами мертвых.

Она приблизилась к картине, с которой на нее глядел хорошо одетый мужчина с волосами почти такого же оранжевого цвета, как у Перси. Через одно плечо у него была перекинута винтовка, а вторую руку он положил на спину гончей собаке. Картина висела рядом с большой комнатой, заставленной двумя кожаными диванами янтарного цвета и пол-

ками, забитыми затхлыми книгами, которые закрывали всю левую стену.

Сигна прошла по толстому красному ковру и взяла один из томов, с разочарованием обнаружив, что тот оказался всего лишь книгой по финансам. Она не могла вспомнить, когда в последний раз видела такое количество книг. Когда жила с дядей, возможно? И сердито затолкала книгу обратно на полку.

Затем она осмотрела большой стол из розового дерева, заваленный баночками с чернилами и листами пергамента. Здесь также лежали вырезки из газет. Несколько о джентльменском клубе «Грей» и некролог Лилиан Роуз Хоторн. Сигна взяла его, но как только коснулась бумаги, оттуда вырвался мох и обвился вокруг пальцев. Она молниеносно отшвырнула листок.

Прижав руки к груди, безмолвно отругала себя за глупое поведение. Если прежде дух еще сомневался, что Сигна видит его, то теперь уж он знал наверняка. Следует вести себя осторожнее.

Решив, что комната со всеми этими книгами по бухгалтерии и письменным столом, должно быть, служит кабинетом Элайджи, она не стала ничего больше трогать и вышла. В тот момент, когда она вернулась в коридор, кожу снова начало покалывать, словно от укусов надоедливового комара. И когда проходила мимо следующего портрета, то могла бы поклясться, что его глаза следят за каждым ее шагом. Это чув-

ство было ей хорошо знакомо, но она отказывалась признавать его, особенно когда так приблизилась к возможности жить нормально. Полная решимости придерживаться этого, она поспешила дальше. Но куда бы она ни повернула, всюду простирались коридоры. И чем дальше уходила, тем чаще мурашки пробегали по коже. Она резко повернулась, но коридор за спиной оказался совершенно пустым. Ни людей. Ни духов. Ни самого темного жнеца.

Ты все выдумала, сказала она сама себе. Просто не привыкла к таким большим поместьям.

За свою жизнь Сигна видела много духов, слишком много, если быть точнее. И знала, что в их присутствии человек становится вялым и замерзает так, что ни один огонь не согреет. Такой же холод пробрал ее до костей прямо сейчас.

Холод, который шел из следующей комнаты, поджидая ее. С картины возле двери смотрела женщина с бледной кожей и золотистыми волосами. В улыбке сквозило тепло и достаток, но именно от глаз Сигна не могла отвести взгляд. Один голубой, а второй светло-карий. Настолько похожие на ее собственные, что она перестала дышать от изумления. Прежде она никогда не встречала людей с подобными глазами и даже не думала, что такое возможно.

Сигна потянулась к дверной ручке, но в тот момент, когда пальцы коснулись латунной ручки, до нее донесся ужасный звук влажного кашля из комнаты за спиной. Она повернулась на звук, и холод тут же отступил, чары рассеялись.

Тепло окутало ее, но она все равно поежилась. Интересно, кто еще мог находиться тут наверху, подобно ей, а не внизу с гостями. Любопытство пересилило зов мертвых, и Сигна направилась к двери напротив, за которой раздавался кашель, и вошла без стука.

Покои оказались копией ее собственных, за исключением цветовой гаммы. С красивой читальной зоной в бледно-голубых и серебристых тонах, освещенной золотым сиянием огня, ревушим под изысканной каминной полкой из слоновой кости. Комната выглядела прекрасно, но, пожалуй, в ней не хватало теплых тонов. Она также не выглядела обжитой. На столе для чтения Сигна не увидела ни книг, ни чернил с пергаментом, обычно разбросанных на столах.

Она медленно прошла в гостиную и, осторожно ступая, приблизилась к смежной комнате. Дверь в нее была открыта, и, несмотря на старания двигаться тихо, человек внутри услышал шаги.

– Кто здесь?

Сигна застыла на пороге. В кровати лежала истощенная девушка, почти скелет, с бледной кожей, почти прозрачной, словно та никогда в жизни не выходила на солнце. Тусклые волосы по цвету напоминали сухую солому. В глазах совсем не было жизни, они казались просто пустыми бездонными впадинами. Когда девушка нахмурилась, через кожу отчетливо проступили кости черепа.

– Кто ты? – поморщилась девушка, ее губы походили на

бледно-розовые лепестки увядшей розы.

– Ты, должно быть, дочь Элайджи. – Сигна вошла в комнату и закрыла за собой дверь, радуясь возможности отгородиться от жуткого коридора и поджидающего духа. – Я слышала, что ты больна. – Хотя не вполне осознавала всю безнадёжность ситуации.

Девушка слабо рассмеялась.

– У меня вообще-то есть имя. Меня зовут Блайт. – Похоже, она уже не могла привстать с подушки, хотя глаза смотрели пылливо. – Что ты делаешь в моей комнате? Прислуге запрещается входить без разрешения.

– Прошу прощения, но я не прислуга. Я твоя кузина, Сигна Фэрроу. – Она понимала, что это вряд ли послужит оправданием проникновения. Блайт выглядела так, словно находилась в шаге от смерти, и Сигна отказывалась хоть как-то участвовать в этом. И все же что-то в ней притягивало ее. Возможно, потому что последний раз она разговаривала с девушкой своего возраста много лет назад и воспоминания о Шарлотте нахлынули на нее. Или дело было в отчаянии в глазах Блайт, вероятно, истосковавшейся по компании так же, как и Сигна. Какой бы ни была причина, Сигна осталась в комнате.

– Здесь довольно тоскливо, – начала она, пытаясь разглядеть в тених признаки присутствия Ангела смерти. Но, не заметив его, успокоилась и расслабилась. – Может, открыть окно?

– Думаешь, я сама не в состоянии открыть окно? – Хотя кухня не пыталась выгнать Сигну, каждое ее слово звучало резко и беспощадно, словно яд. Сигна подозревала, что, попроси она спеть церковные песнопения, в исполнении Блайт они звучали бы убийственно.

Она не нашла, что ответить. Разве что случайный порыв ветра мог бы привести к тому, что у Блайт оторвется голова и вылетит в окно. Но решив промолчать, присела на край кровати с нависающим балдахином. Любопытство доставляло ей наслаждение, которое получаешь от кофе, когда кончики пальцев подергиваются и начинаешь теревить подол платья. Она оглядела кухню оценивающим взглядом. Бледная кожа, мрачный взгляд, тощее тело... Но Сигна не чувствовала запаха смерти. От Блайт не пахло испорченной сладостью гнили и болезни. Ее ногти расслоились, но не стали желтыми или серыми. А огромные голубые глаза, несмотря на злобу и залегшие внизу темные тени, не застилал туман.

– Чем ты больна? – спросила Сигна.

– А ты напористая, – усмехнулась девушка. – Если бы врачи только знали, возможно, я бы не была прикована к кровати. – Она уронила голову на подушку и вздохнула. – Боже, мне послали кого-то сносного, чтобы составить компанию.

У Сигны возникло смутное впечатление, что девушка знала, что на самом деле ее никто не посылал, и просто хотела задеть. Но она проигнорировала это замечание и посмотрела на дверь, думая о женщине на картине с глазами разного

цвета, точь-в-точь как у нее.

– Никогда бы не подумала, что такое большое поместье может ощущаться пустым, в то время как внизу так много гостей, – рассеянно заметила Сигна. – Кто еще живет на этом этаже? Кажется, я слышала звуки из комнаты напротив.

Воздух пронзил такой холод, что она пожалела о своем пальто, которое отдала Марджори. Взгляд Блайт стал ледяным, угрожающим пронзить насквозь.

– Невозможно, – прошептала она. – Та комната принадлежит моей матери. Туда никто не входил уже целую вечность.

Прежде чем Сигна успела подумать о том, что подобные слова могут значить для человека, не настолько близко знакомого со смертью, она спросила:

– Ты имеешь в виду, *принадлежала*, верно? Твоей мамой была Лилиан Хоторн?

Этих слов оказалось достаточно, чтобы растопить лед во взгляде Блайт и сбить с нее всю спесь. Она побледнела, даже губы приобрели мертвенно-бледный оттенок. И открыла рот, словно собираясь что-то сказать, но не могла вымолвить даже слова от изумления. А Сигне потребовалось слишком много времени, чтобы осознать свою грубость.

– Ох, Блайт, я не имела в виду... – Она уже собиралась извиниться, когда кузина буквально столкнула ее с кровати, вонзив пятку в ребро.

– Убирайся! – выплонула она. – Мерзкая девчонка, убирайся из моей комнаты!

Сигна вскочила с кровати, проклиная себя за бестактность.

– Прости! – Она потянулась, чтобы коснуться плеча Блайт. – Я не хотела... – И опять ее прервали, но на сей раз это был внезапный вздох. В тот момент, когда она коснулась кухни, то могла видеть только ее и могла чувствовать только... Что ж, она не вполне понимала, как описать свои ощущения. Они полностью отличались от всего, что ей доводилось испытывать прежде. Некое всеобъемлющее чувство, которое удерживало ее рядом и заставляло прерывисто дышать.

Что бы это ни было, Блайт, похоже, не разделяла его.

– Выметайся отсюда, – прорычала та. – Уходи, глупая девочка... – Ее глаза расширились, и она внезапно согнулась пополам. В груди хрипело, все тело тряслось, когда ее охватил сильный приступ влажного кашля. Блайт прикрыла рот простыней, которая тут же окрасилась красным. С каждым приступом ткань становилась все темнее.

Волоски на затылке Сигны встали дыбом, когда в комнату ворвался поток прохлады. Она прекрасно знала, что принесла эта волна холода – *кого*, если быть точнее, – и вспыхнула от злости.

– О нет, ты не можешь, – предупреждая зарычала Сигна. Возможно, она была полной дурой, войдя сюда. Возможно, все это действительно уловка, чтобы проклясть ее еще сильнее. Но тем не менее она не задержалась, чтобы удосто-

вериться в прибытии Ангела смерти. А резко развернулась и настолько быстро, как только могла, вылетела из комнаты. Вдоль по коридору, вниз по лестнице к первому слуге, который попадется на пути. К кому угодно, кто сможет спасти Блайт и остановить Ангела смерти.

Ей нужно всего шесть месяцев. *Шесть месяцев*, а она не может продержаться и дня, не пригласив смерть в Торн-Гров.

Глава 8

К счастью, в ту ночь Сигна Фэрроу никого не убила.

Спустя несколько часов, в течение которых различные люди входили и выходили из комнаты Блайт, все начало налаживаться. Сигна подглядывала за суетой через дверную щель своей спальни, с удивлением обнаружив, что ее комната находилась немного дальше покоев Блайт. Либо духи, либо ее собственная паранойя прежде играли с ее воображением, заставив сбиться с пути.

Когда Сигна выглянула в коридор, возле двери Блайт в свете свечей виднелось только несколько силуэтов. Она внимательно высматривала среди них Ангела смерти и с облегчением убедилась в его отсутствии. Однако она с огромным любопытством высматривала еще кое-кого, а именно Элайджа Хоторна. Он стоял к ней спиной, но все же она могла разглядеть его лучше, чем прежде. Невероятно высокий, пугающе худой и, кажется, с самыми светлыми на свете волосами, сияющими даже ярче, чем звездный свет.

Сигна широко шагнула за дверь для лучшего обзора, но как только коснулась пола, раздался жуткий скрип, такой громкий, что Элайджа и слуги замолчали и обернулись. Сигна застыла и едва могла дышать, когда все взгляды устремились на нее. От Элайджи ее отделяли всего пара метров, и она наконец могла четко видеть его лицо.

Оно было жестким, уставшим. В нем отсутствовал даже намек на ту энергию жизни, которую она видела прежде. И с трудом верилось, что перед ней тот же человек.

– Кто это? – его голос прозвучал сурово, когда он обратился к слугам с намеком на невысказанное оскорбление. Затем повернулся к Сигне. – Кто ты?

Но ему ответила Марджори, возникнув из-за спины мистера Хоторна и крепко взяв его за плечо.

– Это Сигна Фэрроу, ваша новая воспитанница. – Ее прикосновение выглядело каким-то непринужденным. Интимным. Таким, которое, по представлению Сигны, совершенно не допускалось между гувернанткой и работодателем.

– Моя воспитанница? – Элайджа покачулся и устало приклонился к стене. Марджори тяжело вздохнула и бросила на Сигну извиняющийся взгляд.

– Да, сэр. Ваша воспитанница. Приехала только утром. По вашему приглашению?

– Ах, да. – Оттолкнувшись от стены, Элайджа приблизился к Сигне, которая вытянулась, насколько могла, широко расправив плечи.

– Здравствуйте, сэр. – Ее голос прозвучал смиреннее, чем она хотела бы, и слабее, чем требовал этикет. И она продолжила уже немного громче. – Благодарю за ваше гостеприимство.

Элайджа поморщился и прикрыл глаза, потирая виски.

– Тише, девочка. Или ты хочешь разбудить мертвых?

Сигна запнулась, с трудом подыскивая ответ на такой нелепый вопрос.

– Н-напротив, сэр. Я предпочитаю не тревожить их.

Элайджа сделал шаг ближе и навис прямо над Сигной. А в следующее мгновение отшатнулся с шипящим выдохом.

– Бог мой. Твои глаза.

Сигна вздрогнула и прижала руку к щеке, прямо под светло-карим глазом. Вполне обычная реакция, и она привыкла к людскому удивлению. Но Элайджа не выглядел удивленным, он казался почти напуганным.

– Я могу прикрыть их, если они вас беспокоят, сэр, – сказала она, готовая вернуться в комнату и поискать какую-нибудь вуаль. Что-то, чем можно укрыться. Но прежде чем успела отправиться на поиски, Элайджа схватил ее за запястье.

– Ты здесь, чтобы служить напоминанием о моих грехах, дитя? Ты прошлое, преследующее меня? Дух, не дающий забыть о том, что я сделал? – не дыша произнес он. И Сигна тут же вспомнила портрет на стене в коридоре и поняла, что на нем изображена Лириан. Но как же дух, зазывающий в ту комнату? Преследовавший ее. Неужели это тоже была Лириан?

Плечи Марджори осунулись.

– Отпусти девушку, Элайджа. Она не дух. В ней просто течет кровь твоей жены.

Его лицо застыло, черты лица заострились. Медленно он

разжал хватку, еще секунду разглядывая Сигну, заметив волосы намного темнее золотых локонов Лилиан и более смуглую кожу.

— Прости меня, — произнес он, хотя в голосе не слышалось и намек на сожаление. — Должно быть, я слишком много выпил. На мгновение мне показалось, что ты можешь оказаться той, кого я когда-то знал. Но если ты действительно моя воспитанница, мой долг отчитать тебя, что ты не спишь в такой неурочный час.

К горлу Сигны подступил ком, но ей все же удалось произнести:

— Мне не спалось. Я хотела убедиться, что Блайт... — Здорова? Жива? — В безопасности этой ночью.

Его губы сжались.

— Ты видела мою дочь? — Похоже, что Марджори тоже удивилась и прищурилась.

— Только мельком, сэр. Я услышала кашель и вошла проведать ее.

— Значит, это ты позвала на помощь.

И, хотя это было не совсем честно, Сигна кивнула, опустив ту часть, в которой она стала *причиной* кашля Блайт.

— Тогда обязательно сделай это снова, если что-нибудь услышишь. — Элайджа уже отвернулся от нее. — А теперь иди спать, дитя. Мы приближаемся к часу, когда властвуют призраки.

Сигна поежилась.

– Хорошо, сэр.

Уходя, он снова прижался к стене, и твердый взгляд Марджори напомнил Сигне, что ей тоже пора. Она повернула ручку двери и исчезла в комнате. Как ни странно, мысли Сигны задержались не на хватке Элайджи и не на реакции на ее глаза. Она прошла через гостиную в спальню, утопая в мягком ковре, и могла думать лишь о последних словах: «Час, когда властвуют призраки».

Сигна присела на краешек кровати с балдахином. Ее дорожный сундук стоял тут же, все еще закрытый. После такого долгого путешествия она уже соскучилась по своим вещам и хотела быстрее распаковать его. Но как бы она ни старалась, не могла заставить себя сделать этого и просто открыла сундук. После сегодняшнего происшествия у нее не оставалось сомнений, что пребывание в Торн-Гров будет недолгим. Если и можно на что-то рассчитывать, так это на то, что Ангел смерти найдет ее, куда бы она ни последовала. Она не могла сказать, как он это делал и зачем. Или все это тщательно продуманная игра, призванная продлить ее мучения, пока он смеется и наслаждается, наблюдая за ней.

Но она выяснит это. И остановит его, даже если это окажется последним, что она сделает.

Было еще раннее утро, когда Сигна проснулась от звуков плача и шуршащих кленовых листьев, влетающих в окно. Она не помнила, чтобы оставляла его открытым, но оно было распахнуто, и ветер приносил запах влажной земли.

Сигна вылезла из теплой постели и выглянула в темноту. Спустя несколько минут, когда плач так и не повторился, она закрыла окно и вернулась обратно в кровать. И все же, проходя мимо туалетного столика, заметила краем глаза, что отражение в зеркале осталось неподвижным. По коже побежали мурашки, и она остановилась, чтобы осмотреть зеркало, надеясь, что это просто игра света. Но, когда собственное отражение уставилось на нее в ответ, а губы расплылись в улыбке, которой не было на лице Сигны, она поняла, что это вовсе не обман зрения.

Сигна подавила крик и бросилась прочь от зеркала, откуда вырвалась вспышка белого света и скрылась в щели под дверью. Она сразу поняла, что это тот же дух, и на сей раз бессмысленно притворяться, что она его не видит.

Не подумав о пальто или ботинках и не теряя времени, Сигна распахнула дверь и бросилась в погоню за огоньком вдоль по коридору. Теперь, когда дух убедился, что его ви-

дят, Сигне ничего не оставалось, как противостоять ему. Если этого не сделать, кто знает, отстанет ли от нее вообще мерзкая тварь.

Полы даже не скрипнули, пока она торопливо спускалась по лестнице и, толкнув двери, распахнувшиеся бесшумно, выбежала в холодную ночь. Она тут же обхватила себя руками, но тонкая белая сорочка совершенно не спасала от пронизывающего холода, пробирающего до костей.

– Эй? Тут кто-нибудь есть? – Шаг за шагом она заставляла свои онемевшие ноги двигаться навстречу плачу, который разъедал кожу и вгрызался в кости. Пока звук нарастал, местность становилась все более безжизненной. Мох на клене высох и почернел, а опавшие листья увяли и разлетались от порывов ветра. Как будто сама земля предупреждала о том, что грядет впереди, советуя повернуть обратно. Но Сигна не остановилась, пока не увидела источник звука.

Женщина с прозрачным силуэтом и тусклыми белыми волосами, которые развевались у нее за спиной как продолжение ветра, сидела под изгибающимся стволом дерева в серебристом одеянии, словно сотканном из света луны. Когда Сигна приблизилась, душа женщины перестала плакать и подняла голову, чтобы посмотреть на нее. Сигна пошла медленнее, пробираясь по засохшей ежевике под оценивающим взглядом призрака и стараясь скрыть страх. Ей нестерпимо хотелось убежать отсюда.

Внезапно дух поплыл вперед, совершенно бесшумно, и,

когда Сигна попыталась шагнуть назад, мертвые корни вырвались из земли и туго обвилились вокруг лодыжек. Она плашмя упала на спину, дрожа и проклиная свою невезучесть, пока дух парил над ней.

Женщина была прекрасна, с гладкой кожей и свободно развевающимися пепельными волосами. Но чем пристальнее Сигна всматривалась, тем более серой становилась душа с иссиня-черными губами и ногтями в тон. Но именно от глаз Сигна не могла отвести взгляд – один голубой, второй карий. Разноцветные, как у нее. Как у женщины на портрете, который она видела днем.

Лилиан Хоторн.

С близкого расстояния Сигна увидела, что ее рот выглядел просто ужасно: покрытый гноем и кровоточащими язвами, нарывавшими на деснах. Язык лежал неподвижным багровым месивом, как будто сгорел дотла. Лилиан попыталась что-то сказать, но смогла издать только стон, и чем громче Сигна кричала, чтобы монстр оставил ее в покое, тем громче дух стонал и выл в ответ.

Лилиан подалась вперед, пытаясь дотронуться до девушки, но Сигна впиалась ногтями в корни, вырвала их, освобождая лодыжки, и вскочила на ноги, отчего Лилиан разъяренно завопила.

– Держись от меня подальше! – огрызнулась в ответ Сигна. Дух вздрогнул от твердости ее голоса. Но помедлив всего секунду, Лилиан снова двинулась вперед, сурово нахмури-

шись.

Сигна зачерпнула горсть земли и швырнула духу в лицо.

– Мне наплевать, кто ты такая, просто оставь меня в покое! – ей пришлось прошипеть эти слова, чтобы не поднять на ноги все поместье, но на самом деле хотелось кричать, и она еще больше возненавидела духа. – Отстань от меня! Или я найду твоё тело и сожгу, пока от тебя не останется только горстка пепла.

Когда Лилиан смахнула грязь, ее почерневшие губы скривились в нечто похожее на усмешку. Но угроза заставила ее держаться на расстоянии.

– Чего ты хочешь? – проворчала Сигна. – Зачем ты притащила меня сюда? – Сигне вовсе не хотелось связываться с Лилиан, но пришлось признать, что ей крайне любопытно обстоятельства смерти женщины. А любопытство всегда не давало ей покоя.

Душа Лилиан помедлила, а потом указала на черные губы.

– Ты не можешь говорить? – спросила Сигна, и призрак закивал головой, что-то хрипя. Сигна не впервой сталкивалась с духом, который не мог говорить. Некоторые улицы кишели солдатами или воинами античности, большего узнать она не стремилась, и часто они были изрешечены дырами в груди или лицах.

– Я знаю, кто ты. – Сигна отошла немного назад, чувствуя себя увереннее на расстоянии. – Это ты поджидала меня в доме. Что тебе от меня нужно?

Несмотря на то что призракам не нужен воздух, казалось, будто женщина глубоко вздохнула, набираясь решимости. Она не направилась к Сигне, а вместо этого сорвала тонкую веточку с дерева. На мгновение Сигна захотела броситься бежать, но Лилиан не угрожала ей, а опустилась на землю, расчистив участок земли, и начала выводить слова. Когда она закончила, то отбросила ветку и указала на свою работу.

И хотя Сигна знала, что любопытство однажды может погубить ее, но все же послушалась и прочитала слова. При взгляде на надпись у нее внутри все сжалось, и она посмотрела на Лилиан в ожидании объяснений. Ее силуэт задрожал, словно дым. За годы, проведенные среди духов, Сигна уяснила, что они не могут свободно блуждать. Чем дальше от места смерти, тем труднее оставаться в мире живых.

Очевидно, что душа Лилиан забрела далеко, и ее время истекало. Она направилась к роще на окраине поместья, пока единственным свидетельством ее присутствия оказались слова, выведенные на земле:

Приди в мой сад и спаси ее.

Сигна знала наверняка, что Лилиан имеет в виду Блайт.

Блайт, по виду которой становилось ясно, что Ангел смерти охотится за ней.

Блайт, к которой ее тянуло по неведомым причинам.

Блайт, смерть которой только усилит слухи. И, вероятно, выдворит Сигну из еще одного дома, который она не должна потерять.

И тут ее осенило: если она спасет Блайт, то остановит Ангела смерти. Она *победит* его. Если ей это удастся, то, возможно, он наконец оставит ее в покое и позволит жить той жизнью, о которой она мечтала. В которой не придется прятаться, не придется снова иметь дело с ним или жуткими призраками. Жизнь, наполненная людьми, торжественными вечерами и дружеским общением. В которой она могла бы просто *жить*.

Как бы глупо ни было заключать сделку с духом, Сигна сделает все, что потребуется, если это поможет победить Ангела смерти.

Глава 9

Марджори была верна своему слову, что траурная одежда Сигны скоро уйдет в прошлое.

Портниха прибыла на рассвете, притащив полный сундук тканей.

Сигне почти не удалось поспать, а вдобавок к долгому путешествию и преследованию призраком ей ничего не хотелось так сильно, как свернуться калачиком под одеялом и провести там остаток дня.

Если бы не тот факт, что сегодня начинаются занятия.

– Идемте, Сигна. Только мертвые спят в такой час. – Марджори вздохнула, следуя за портнихой. – Хозяин не хочет, чтобы вы бродили по поместью, словно вестник смерти. Пора добавить немного цвета в ваш гардероб и подготовить к сезону балов.

Сигна чувствовала себя словно воскресший мертвец, конечности налились тяжестью, а глаза щипало от утреннего солнца. Казалось, она поспала от силы несколько минут. Всего несколько минут с тех пор, как ей выпало несчастье встретиться с духом Лилиан. И все же она собрала все силы и взбодрилась при словах о новых нарядах и поплелась в гостиную. Приятная девушка, которую Марджори представила как Элейн, новую горничную Сигны, принялась убирать с ее лица темные волнистые волосы, пока портниха возилась

с талией, делая замеры.

Портниха оказалась пожилой женщиной с морщинистым лицом, словно каждая морщинка отражала прожитый год. Карие глаза-бусинки скрывались за круглыми очками, от которых, видимо, было мало толку, учитывая, как близко она наклонялась к Сигне, силясь прочитать цифры на измерительной ленте.

– Ты слишком худощава, девочка, – цокала портниха. – Кожа да кости.

Сигна отвернулась к окну, чтобы скрыть свой стыд. Тонкая сорочка почти не скрывала торчащие ребра, и она беспокойно провела по ним рукой. Марджори также посмотрела на них, слишком острые кости, выступающие из кожи. Живя с Магдой, Сигна добывала пропитание как могла, но была слишком молода, чтобы получить доступ к наследству, а выдаваемое скромное пособие шло прямиком в игорные притоны. Тетя, вероятно, чувствовала бы себя *счастливицей*, если бы заморила племянницу голодом. Ее заботило лишь одно, то же, что и большинство предыдущих опекунов, а именно как заполучить кусочек будущего состояния Сигны.

– Пошейте с запасом, – приказала Марджори швее, отводя взгляд от ребер и делая вид, что помогает Элейн уложить волосы Сигны. – Через пару дней у нее будут пухленькие щечки.

Швея удовлетворенно хмыкнула. И как только записала замеры в кожаный карманный блокнот, начала подносить к

лицу Сигны образцы тканей самых разнообразных цветов. Они работали перед роскошным серебряным зеркалом, в которое Сигна украдкой поглядывала, в глубине души ожидая, что ее отражение начнет двигаться само по себе, как ночью. Грязь осталась у нее под ногтями, и стопы тоже были в земле. И когда портниха бросила на них хмурый взгляд, Сигне оставалось только сделать вид, будто она ничего не понимает.

Хотя Сигна мало понимала в ценах на гардероб, но могла догадаться, что это недешевое удовольствие. Ни один из опекунов никогда не тратил на нее столько денег. Должно быть, Элайджа очень хотел, чтобы Сигна сняла свое траурное платье. В то время как Марджори вздыхала над спокойными оттенками розового, кремового и лилового, Сигна отдала предпочтение зеленому, темному как лес, и красному, глубокому и насыщенному словно кровь. Но решила промолчать, в конце концов, что она понимала в моде? Если ей хочется выйти в общество, то определенно стоит доверять подобные решения Марджори и безропотно соглашаться на скучные тона.

Уходя, портниха оставила бледно-желтое дневное платье с голубыми лентами и белыми кружевами. Сигна хотела уже возразить, что это безвкусица, но молча подняла руки, когда Элейн помогала ей надеть наряд. Если этого требовал этикет, то неважно, что оно ей совсем не нравилось и, по ее мнению, было вовсе не к лицу.

– Придется обходиться этим, – сказала Марджори, пока

Элейн зашнуровывала корсет. – По крайней мере, до тех пор, пока не сошьют ваши собственные наряды.

Пожалуй, самым добрым словом, которым можно было описать платье, это слово *отвратительное*. Оно выглядело неуместно ярким, учитывая настроения в Торн-Гров. В нем Сигна напоминала банан, но все же прикусила язык и не жаловалась, надев платье и спросив только:

– А когда *будут* готовы платья?

Марджори рассмеялась вежливым и сдержанным смехом, как раз таким, каким надлежало по предписанию «Руководства для леди по красоте и этикету». Сигна мысленно отметила, что обязательно попрактикует его позже.

– Швея работает быстро. А теперь время занятий, так что идемте. Хозяин оторвет мне голову, если увидит, что мы тратим время.

Учитывая то, что Сигна узнала об Элайдже, она очень сомневалась в этом. Но все же последовала за Марджори из комнаты и вдоль по коридору, стараясь не обращать внимания на кожный зуд от ощущения, что за ней следят несколько десятков портретов.

Неприятное чувство исчезло, как только они спустились на первый этаж и Сигна с облегчением обнаружила, что этим утром Торн-Гров совершенно неузнаваем. Из залов исчезли музыка, бальные платья и преследовавший повсюду смех. Их сменило тихое шуршание метел по мрамору.

– Помните, никаких промедлений, – поторопила Марджо-

ри, когда Сигна замешкалась на лестнице, изучая странный стиль, царивший в поместье. Парадная лестница словно была вырезана в огромном дереве. Железные подсвечники казались птичьими гнездами. А когда Сигна всмотрелась, то заметила, что один даже выполнен в форме лисьей головы, а дуги люстры напоминают шипы.

Но, несмотря на декор, в доме царила загадочная атмосфера. Такая, которая, по мнению Сигны, просто создана для привидений.

И они определенно пользовались этим.

Сигна еще чувствовала усталость в теле от погони прошлой ночью, когда шла за Марджори в маленькую гостиную, не такую большую, как остальные в поместье, но лучше освещенную за счет выступающих окон. Стены маслянисто-желтого цвета, даже более яркого, чем ее ужасное платье, идеально отражали цвет. Плавные женственные линии украшали комнату, совершенно не гармонируя с более мужественным брутальным стилем второго этажа. На лепнине выступали изысканные завитки, на полу лежал яркий узорчатый ковер, и повсюду виднелись подушки в цветочек с кружевной отделкой. Именно на эти подушки откинулись Перси и Блайт, потягивая дымящийся чай.

Блайт выглядела не лучше, чем прошлой ночью, тощая и с землистой кожей, но во взгляде сквозили жесткость и решимость сидеть на диване и пить чай, а не лежать в комнате в полном одиночестве, хотя руки дрожали каждый раз, когда

она подносила чашку к губам.

– Моя дорогая сестра сказала, что проснулась с новыми силами, – объявил Перси в тот момент, когда изумленный взгляд Марджори остановился на девушке. – Я решил, свежий воздух и компания будут ей полезны.

Губы гувернантки сжались в тонкую линию. Но вместо того чтобы возразить, она повернулась и открыла окно, впуская ветерок.

– Что ж, прекрасно. Вероятно, вы правы.

Сигна напряглась в присутствии родни. Она всего день в Торн-Гров, но уже чувствовала, что произвела ужасное первое впечатление на них обоих. А ей хотелось показать себя с лучшей стороны, хотя сейчас она могла только бороться с отяжелевшими веками и подступающим зевком.

Упрямые, мерзкие призраки, вечно преследующие ее. Она не желала думать о Лилиан или других мертвецах и вообще ни о чем, кроме занятий и новой семье, в которой теперь жила. А хотела учиться, впечатлить их и доказать, что готова вступить в новый этап своей жизни. В которой будет больше живых, чем мертвых.

Откинув волосы за плечи, она сосредоточилась и улыбнулась.

– Рада видеть вас обоих в добром здравии.

– Взаимно, – ответил Перси, пока Блайт ставила чашку на блюдце, балансируя им на коленях.

– Прежде у вас была гувернантка, мисс Фэрроу? – спро-

сила Марджори, присаживаясь на крошечный круглый пуф перед Сигной.

– Очень сомневаюсь в этом, учитывая ее манеры, – проворчала Блайт себе под нос, делая глоток, когда Марджори бросила на нее неодобрительный взгляд.

– Утверждаете, что ваши манеры лучше? – спросила она. Блайт поморщилась, пока Сигну захлестнула волна обжигающего стыда. Но будь она проклята, если покажет Блайт, что эти слова задели ее.

– У меня была гувернантка, – ответила Сигна. – ...Время от времени.

Что бы Марджори ни подумала об этом ответе, она ничем не выдала свои мысли.

– Как насчет занятий?

Вместо того чтобы признаться, сколько времени прошло с последнего надлежащего урока, она ответила:

– Я умею читать, знаю правописание и арифметику. – Только основы, учитывая, что никто не задерживался надолго, чтобы научить ее большему.

Губы Марджори изогнулись в улыбке, которой можно было только позавидовать.

– А что насчет музыки?

Не желая давать кузине и кузену новых поводов для насмешек и признать, что она редко играла, Сигна заявила:

– Полагаю, я замечательный слушатель.

Блайт закашляла в чашку, тогда как Перси толкал ее лок-

тем в перерыве между своим хихиканьем, заставляя замолчать.

Марджори не удостоила их вниманием.

– Учтем. Тогда почему бы нам не начать с этого? С чтения с листа и игры на фортепиано.

Хоть это и вызывало неприятное ощущение, но прежде Сигну достаточно часто дразнили, поэтому она без проблем могла игнорировать Хоторнов. Она кивнула и позволила себе помечтать, как однажды будет сидеть за пианино в собственном поместье и играть с совершенной грацией. Но сонная ву прервал побежавший по спине холодок.

– Мисс Фэрроу? – Голос Марджори словно звучал где-то вдалеке.

Сигна не *видела* Лилиан, но тихий плач отвлекал внимание.

Никаких призраков, напомнила она себе, притворяясь, что ничего не слышит. Думай о своем будущем. О работе, которая предстоит перед дебютом. Нормальные люди не разговаривают с мертвецами, Сигна.

Но она не могла не слушать. Казалось, остальные тоже слышали этот звук, потому что Блайт застыла как вкопанная. Фарфоровая чашка выскользнула у нее из рук и упала на колени, оставляя пятно от горячего чая. Перси и Марджори резко выпрямились.

– Боже мой, мисс Хоторн! – гувернантка жестом обратилась к Перси. – Помогите сестре вернуться в комнату и по-

зовите Элейн. Блайт нужно сменить платье. А пока занимаетесь этим, поищите лучшее применение своему времени, Перси. Вы оба слишком отвлекаете.

Марджори подождала, пока Перси проводит сестру из гостиной, чьи глаза все еще казались ошеломленными и встревоженными, прежде чем повернуться к Сигне.

– Итак, не обращайтесь внимания ни на них, ни на звук. Наверное, это ветер. – Она взяла Сигну под руку и подвела к гладкой черной скамье перед великолепным пианино, которое, вероятно, стоило как целый дом тети Магды, если не больше. На нем не было видно ни пылинки. – В это время года ветра особенно сильные. Кажется, будто снаружи носится сам дьявол.

Сигна знала, что ветер тут совершенно ни при чем, но ей ничего не оставалось, как послушно кивнуть. Она села, сопротивляясь желанию съежиться на скамье, когда гувернантка выпрямила ей спину и подняла подбородок повыше, положив руки Сигны в исходное положение на клавиши.

– А теперь, – продолжила Марджори, – давайте начнем с тренировки гамм. – Все тело Сигны протестовало против такой напряженной позы, отозвавшись болью. Но она сделает все, чтобы воплотить мечту в жизнь и обеспечить себе место в обществе. Сигна нажала на клавишу, едва сохраняя спокойное выражение лица, руки вспотели. Каждая клеточка, каждый мускул на теле напрягся, когда звука не последовало. Она подняла палец и увидела, что клавиши покрыты за-

сохшей грязью с крошечными червями, ползущими между ними.

– Гаммы, Сигна, – настаивала Марджори, давая понять, что не видит творившегося под пальцами Сигны безобразия. Она не видела, что ноги ученицы утопали в несуществующей грязи, а пальцы обвивали черви.

Послание Лилиан было ясно как день: Сигне стоит поспешить и найти сад, иначе призрак будет вечно преследовать ее.

Но прежде Сигна собралась с духом и нажала на грязные клавиши. Она отказывалась прекратить игру.

Глава 10

Прошло несколько часов, прежде чем Сигне удалось выбраться наружу, вытянув ноющую спину, когда налетел порыв ветра. На улице царила прохлада, но, укутанная в шарф с полным желудком горячего чая, она совершенно не боялась холода.

Всего за день она почти успела забыть, насколько отличается внутреннее убранство дома от природы за окном. Здесь, снаружи, в окружении бескрайних вересковых пустошей с желтеющей травой, пробивающихся между полевыми цветами и золотым ковром опавших листьев, оставался простор для фантазии.

День выдался спокойный, никаких танцующих людей в доме и снаружи. Никаких чужаков в нарядах. Хотя Сигна не знала, что пекут повара, аромат чего-то сладкого и сдобного согрел воздух, и ее желудок заурчал, несмотря на то что Марджори скормила ей столько булочек, что те едва влезли в нее.

Но время для вкусностей еще наступит, когда ее руки не будут утопать в несуществующей грязи с ползущими между пальцев червями.

Приди в мой сад и спаси ее.

Сигна тут же пошла бы в сад, но сначала его нужно найти. За поместьем бесконечно тянулись крутые вересковые пу-

стоши. А перед ними ухоженные живые изгороди и кленовая роща. На границе поместья деревья росли рядами, отмечая границу начинающегося леса. И ни одного намека на сад.

Сигна готова была поверить, что с ней просто играют, если бы не разговор с Сайлесом двумя днями ранее. Он рассказывал, что прежде работал в саду с Лилиан. И, хотя ей была ненавистна сама идея, что придется просить его помощи, это представлялось самым надежным вариантом. Учитывая разительную классовую разницу, он определенно не посмеет сказать, что она сует нос не в свое дело.

Поэтому Сигна задрала отвратительное желтое платье и направилась через подстриженную лужайку к конюшням, крепче сжимая юбки, пока приближалась к фыркающим животным, бьющим копытами. Лошадей в Торн-Гров держали крупных, все с блестящей шерстью различных цветов: чисто черные, белоснежные и насыщенного каштанового цвета. В своих просторных стойлах они выглядели спокойными, но Сигна не очень доверяла разделявшим их деревянным барьерам. Эти создания были достаточно умны и выбрались бы на свободу, если бы только захотели.

Сигна заглядывала в стойла, на цыпочках проходя по конюшне, окруженная лошадьми, тянувшимися к ней в попытке привлечь внимание. Один жеребец вытянул шею так далеко, что укусил ее за плечо, и Сигна отшатнулась, готовая отбиваться.

– А ну прекрати! – предупредила она, разглаживая склад-

ки платья. — Распускаться в присутствии женщины — плохой способ привлечь ее внимание.

Конь возмущенно фыркнул. Он был меньше остальных, хотя не выглядел молодым. Его шерсть не блестела, как у других, а, напротив, отливала тускло-коричневым цветом жженой карамели. По сравнению с остальными этот был долговым и чудаковатым.

— Так, так, — отчитывала его Сигна, уперев руки в бока и наблюдая за конем, — ну разве ты не глупышка?

В ответ животное вытянуло шею, снова хватая плечо. Она уже попятилась назад, спотыкаясь, чтобы вырвать ткань из зубов лошади, когда раздался смех, который она тут же узнала, по спине побежали мурашки от такого насыщенного звука.

Сигна резко обернулась, не услышав приближения Сайлеса. Как всегда, пугающе высокий, темные волосы зачесаны назад, открывая красивые контуры лица. Невзирая на осеннюю прохладу, на нем были только штаны и туника с длинными рукавами. Воротник распахнут, рукава закатаны, обнажая сильные руки, как если бы он только что работал, хотя на ботинках и перчатках Сигна не заметила и пятнышка грязи. Они были из прекрасной тонкой кожи, слишком аккуратные для работника конюшен.

Сайлес облокотился на связки с сеном. Подле него сидела крупная серая гончая, наострив уши и настороженно склонив голову.

– Не знала, что у Хоторнов есть собака, – сказала Сигна, не придумав ничего лучше и ненавидя себя, что теряет дар речи рядом с этим парнем. Каким бы грубым он ни был, полное отсутствие мужской компании в ее возрасте... да и вообще всю жизнь... привело к тому, что она совершенно терялась, не зная, что сказать, хоть и не хотела признаться в этом.

– Ах да, – ответил Сайлес. – Он та еще мерзкая тварь. Его учили убивать любого, кто вторгнется на территорию поместья без спроса.

Она нервно попятилась, но в ту же секунду пес высунул язык и задорно перевернулся на спину. Сигна бросила взгляд на Сайлеса.

– Я сказал, что его дрессировали, – заметил тот. – А не то, что он послушался. И это моя собака, а не Хоторнов. Его кличка Гандри.

Сигна наклонилась, чтобы почесать предложенный ей живот. И рассмеялась, когда пес изогнулся, чтобы лизнуть руку, часто дыша. Ей всегда хотелось иметь питомца – на самом деле, любое живое существо. Она мечтала завести кота или гончую собаку. Даже крыса подошла бы, если бы разбавила ее одиночество. Но, учитывая частые переезды, Сигна очень боясь просить о питомце, волнуясь, что с ним может что-то случиться, или новый опекун откажется принимать и зверька тоже. Она никогда всерьез не думала о лошадях из-за их размеров, но верила, что они оказались бы замечательными друзьями.

– Ездите верхом, мисс Фэрроу? – В тоне Сайлеса чувствовался холодок, как в осеннем воздухе. Он поддразнивал ее, пока она отмахивалась от надоедливой коня, хватающего ее волосы. – Вы здесь явно в своей тарелке.

– Ах да, я почти забыла о ваших изумительных манерах. – Сигна пригладила волосы, убеждаясь, что им ничего не угрожает. – Я давно не была среди лошадей. Мой дядя, с которым я жила прежде, держал нескольких, но не слишком поощрял мою верховую езду, а после его смерти животных продали. Хотя те лошади были гораздо меньше.

– Хозяин и его жена разделяли страсть к верховой езде. – Сайлес подошел к коню, задирающему Сигну, и положил плоскую ладонь на морду. Животное тут же успокоилось, удовлетворенно вздохнув. – Теперь мистер Хоторн редко навещает их, но именно он заботится о лошадях. Он всегда был ценителем прекрасного.

Сигна бросила взгляд на надоедливую коня, небольшого по сравнению с остальными, и Сайлес рассмеялся.

– Этого зовут Балвин, выделяется своей особенной красотой. Говорят, когда-то он очаровал Лилиан, и Хоторны купили его из гостиницы, в которой останавливались во время летнего отдыха. Конь достаточно интересный, но взбалмошный. Сам себе на уме.

Сигна никогда бы не подумала, что Сайлес Торли, который всю дорогу держал ее в страхе из-за своих странностей, оказывается, любил чудаковатую лошадь и большую серую

гончую, напоминавшую волка.

– Я пришла прокатиться, – решительно заявила Сигна. – Хочу увидеть сад Лилиан.

На лице Сайлеса мелькнуло удивление, прежде чем он кивнул.

– В таком случае выбирайте лошадь. Только не Балвина, ему нужно размяться, но он любит проверять наездников на прочность.

– Что насчет этого? – Сигна указала на роскошного черного жеребца, шерсть которого блестела так, словно была влажной.

– Как вы смотрите на то, чтобы взять одну из взрослых кобыл? Например, вот эту справа? – Сайлес указал на мускулистое белое животное, но взгляд Сигны уже остановился на великолепной золотистой кобыле в соседнем стойле. Та была немного выше, а в глазах светилось больше жизни. Лошадь фыркнула и приветственно ударила копытом, как бы приглашая Сигну подойти и познакомиться поближе.

– Что насчет нее? – спросила она, повинувшись лошади и протягивая руку, которую та понюхала и лизнула.

Сайлес наклонил голову.

– Она... дружелюбная, но уже долгое время стоит в стойле. Может, выберете другую... мисс Фэрроу, что вы делаете?

– Я выбираю эту. – Сигна уже отодвинула заслонку и входила в стойло, давая понять, что не передумает. Ее тянуло к золотистой лошади неведомой силой. Кобыла моргнула, гля-

дя шоколадными глазами на Сигну, фыркнула и склонила голову, словно приглашая прокатиться. Сигна приняла приглашение, пробежав пальцами по бархатистой шее и почесав животное за ухом.

– С ней какие-то *проблемы*? – спросила Сигна, и кобыла перевела взгляд на Сайлеса, словно требуя любезного ответа.

– Конечно, нет. – Он вздохнул и снял снаряжение с перегородки стойла, а потом последовал за Сигной, чтобы седлать лошадь. – Просто Митра была лошадью Лилиан. Хотя тебе самое время хорошенько размяться, верно, девочка? – Он похлопал кобылу по шее с такой нежностью, которой Сигна от него не ожидала. И заметила, что уже некоторое время не сводит с него глаз. От доброты его голоса становилось тепло на душе.

– Подождите снаружи. – Голос Сайлеса снова стал прежним, в нем не осталось и капли былой нежности, когда он обратился к Сигне, отчего та даже вздрогнула. – Я подготовлю лошадь.

Глава 11

Когда через четверть часа Сайлес вышел из конюшен, на нем был теплый темно-синий плащ, и он вел под узды не одну лошадь, а две, рядом с ним, тяжело дыша, бежала гончая. Сбоку от золотистой красавицы стоял Балвин, надоедливый гнедой жеребец, заикленный на попытке съесть волосы Сайлеса.

– Ты хочешь, чтобы я выбирала между ними? – спросила Сигна первое, что пришло на ум.

Сайлес фыркнул, отмахиваясь от Балвина.

– Я еду с вами. Сад Лилиан находится в роще, а вы определенно уже давно не ездили верхом. И если я отпущу вас без сопровождения, мистер Хоторн снесет мне голову.

Сигна постаралась скрыть недовольство. Словно почувствовав ее настроение, Митра приблизилась к ней и потерлась плечом. В ответ девушка обхватила шею лошади, поглаживая шелковистую гриву. Кончиками пальцев она чувствовала неукротимый пульс жизни, учащенное сердцебиение и сбитое нетерпеливое дыхание.

Они были так похожи. Обе жаждали вырваться на свободу и отправиться в свободный полет. Но когда Сигна захотела забраться на лошадь, то вдруг замешкалась. Несмотря на достаточно высокий рост, Сигна не могла достать до стремени. Она обхватила шею Митры, пытаясь подтянуться, но лошадь

заржала и стряхнула ее.

За спиной Сайлес спросил искрящимся от веселья голо-
сом:

– Нужна помощь?

Высоко подняв голову, Сигна проигнорировала вопрос и попыталась еще раз, цепляясь за лошадь изо всех сил и пыта-
ясь вставить ногу в стремя. Митра била копытом, пока Сиг-
на висела на ней, соскальзывая, но отказываясь признавать
поражение.

– Боже мой, да вы упрямица. – На этот раз Сайлес не спра-
шивал, а просто обхватил руками ее талию и поднял Сиг-
ну. Он сделал это одним размашистым движением, словно
она была легкой, как перышко. Сердце Сигны отчаянно за-
билося, но Сайлес, казалось, не придавал значения такому ин-
тимному прикосновению. Он похлопал Митру по крупу, убе-
дился, что ноги наездницы надежно защищены, и запрыгнул
в седло на спину Балвина.

Митра содрогнулась от предвкушения и не стала дожидаться команды, а пустилась бежать рысью такой энергич-
ной, что Сигна начала выскальзывать из седла. Она крепко
сжала поводья и наклонилась вперед, чтобы лучше держаться.
Сайлес тут же возник рядом, хлопая палкой по спине ло-
шади. Сигна хотела заорать на него, когда от удара лошадь
заржала и понеслась еще быстрее, но в ту же секунду тряска
стихла.

Сигна уселась ровнее, бросая взгляд на Сайлеса, в глазах

которого плясали озорные огоньки, пока они вдвоем мчались по вересковым пустошам через холмы, поросшие полевыми цветами, и по болотистым низинам, замедлявшим ход скакунов. Все ближе и ближе к роще, и по телу Сигны прокатилась волна жара от желания поскорее добраться туда.

Приди в мой сад. Звал дух Лилиан, не давая сбиться с пути.

Приди в мой сад.

По телу побежали мурашки. Прежде она никогда не видела такого агрессивного духа и меньше всего хотела, чтобы ее терроризировала Лилиан Хоторн. Но дело было не только в этом. И, хотя она не желала признавать, ее съедало любопытство. Она хотела собрать воедино хаотичные детали головоломки.

Нужно выяснить, что надо призраку и как такая молодая, красивая женщина умерла в тайном саду, скрытом в лесу вдали от Торн-Гров.

Сигна легонько толкнула лошадь в бок, и Митра тут же отреагировала. В конце концов, она принадлежала Лилиан и, возможно, тоже чувствовала притяжение.

Сайлес отстал от их безумного темпа и громко кричал, пытаясь остановить на пути в лес. Митра искусно преодолевала вересковые пустоши, двигаясь строго вперед, а Сайлес изо всех сил подгонял непослушного Балвина. Его голос звучал приглушенно, затихая, пока они удалялись прочь. Сигна не остановилась, она *не могла* ждать. Лес манил ее, и

она нырнула в пасть этого существа, позволив челюстям сомкнуться и целиком поглотить ее.

Лес окутал их, заключив в горячие объятия. Топот копыт и недовольные крики Сайлеса тут же оборвались, и единственным звуком оказался шелест осенних листьев всех оранжевых и темно-зеленых тонов.

Пожелтевшая трава доставала почти до живота лошади. Лес дергал Сигну за юбку, а Митру за гриву, царапаясь и впиваясь в кожу, жаждая крови. Сигна, как могла, старалась прикрыть лошадь, но низкие и жесткие ветки царапали бока кобылы.

Краем глаза Сигна заметила белую вспышку, испарившуюся в мгновение ока. В следующую секунду та появилась снова, уносясь вправо, в сторону сломанных или поваленных деревьев. Сигна последовала за духом Лилиан, который вывел ее на поляну к железным воротам в осыпавшейся каменной стене. Она толкнула ворота, но обнаружила замок, скрытый под плющом и виноградом.

Сигна выругалась совершенно не свойственным леди образом и порадовалась, что никто этого не услышал, пока изучала стену в три раза выше ее, которую невозможно было перелезть, даже встань она на спину Митры. Подергала замок, окончательно пав духом, когда тот даже не сдвинулся с места.

И как она собирается достать ключ к саду, который уже несколько месяцев стоит совершенно заброшенный? Вряд

ли сможет попросить у Элайджи, а Сайлес, вероятно, знал, что туда не попасть, и устроил эту бесполезную поездку забавы ради. Крепко сжав поводья, Сигна уже приготовилась повернуть обратно, чтобы разыскать Сайлеса и высказать все, что о нем думает, когда боковым зрением снова заметила белую вспышку.

В тени кованых ворот пряталась Лилиан и наблюдала. Ее волосы казались тусклыми, а лицо покрыто мхом и гнилыми лозами, вырастающими из дыры, на месте которой когда-то был рот. Безжизненные глаза уставились через листья плюща, но не на Сигну, а через нее в землю.

Сигна повернулась к хорошо знакомым маленьким черным ягодам – белладонне – и тут же поняла план Лилиан, отчего внутри все сжалось от страха.

В ту ночь, когда она последний раз ела белладонну, когда разговаривала с Ангелом смерти, Сигна получила доступ к его силе. А что, если ей снова это удастся? Ведь стены для него не преграда. Он растворялся в тенях, а затем снова появлялся, стоило ему только пожелать. Возможно ли, что и она способна на такое?

Сигна спешила, сжав зубы при виде поджидающих у ног ягод. Она не желала снова видиться с Ангелом смерти, разве что для того, чтобы победить его и разрушить окаянное проклятие. Но если хочет отделаться от Лилиан, то, похоже, выбора у нее нет.

Чувствуя приближение смерти, она наклонилась и набра-

ла полные карманы ягод, оставив горсть на ладони.

Смерть нависла в воздухе, подобно приближающемуся шторму, темная и грозная. Сигна почувствовала удушье, как если бы он предупреждал ее. Даже звук ветра стал резким, как выстрел, когда мир вокруг замедлился и время словно остановилось.

Но смерть не тронет ее. Как и прежде.

Сигна положила пять ягод в рот и подождала, пока закипит кровь, а по спине побежит холодок. Потребовалось совсем мало времени, чтобы яд захватил тело. Перед глазами все поплыло, лес наполнился видениями. И все это ради невиданной силы, зарождающейся внутри, манящей применить ее.

Ангел смерти появился.

Глава 12

В присутствии Ангела смерти могильный холод пробрал Сигну до костей, словно она нырнула в ледяную воду. Но вместо того, чтобы позволить вынырнуть, он еще крепче обнял ее в этих холодных водах, не желая отпускать.

– Здравствуй, Пташка. Позвала, чтобы снова всадить в меня нож?

От его голоса по коже побежали мурашки, и Сигну раздражало то чувство, которое он вызывал в ней. Не злость и не страх, а зудящее внутри любопытство, от которого она никак не могла избавиться.

– Скажи, могу ли я использовать другие твои способности, – потребовала она. Если он не стесняется, то и она не будет.

Она вздернула подбородок и посмотрела ему прямо в лицо. Или, по крайней мере, верила в это. Учитывая сотканный из теней силуэт, нельзя было знать наверняка. Ангел смерти едва выделялся на фоне тени от дерева. Затаившаяся тьма, куда не проникал луч света. Невидимый, он заполнял собой все пространство. Его тени медленно начали растекаться по земле, поглощая лесную подстилку и погружая все во тьму, наполняя ею мир вокруг. Мужской силуэт без лица и рта, нависший над ней.

– Скажи мне, Сигна, – начал он, игнорируя ее вопрос, –

ты боишься меня? – Тени подплыли ближе и немного сжались, став менее внушительными. – Большинство людей боятся смерти. Они живут в страхе всю жизнь, хотя видят меня только на последнем вздохе. Конечно, есть горстка людей с острым глазом. Они всю жизнь пытаются разгадать загадку загробной жизни и мельком заглядывают за завесу. Но, представ передо мной, даже они оказываются достаточно мудрыми, чтобы бояться. А ты продолжаешь призывать меня раз за разом. Задаешь вопросы. Ты даже зашла так далеко, что сама пошла на убийство. – Несмотря на столь мрачные слова, Сигна уловила в них нотку юмора. И ярость обожгла ее изнутри.

– Я вас забавляю, *сэр*? – Она сжала зубы, когда тени затанцевали между деревьями.

– Иногда. – В ревущем ветре голос превратился в шепот, но она так отчетливо слышала его, словно он был ее собственными мыслями. – А иногда жутко надоедаешь. Но, несмотря на это, я всегда восхищаюсь тобой.

Разговор с Ангелом смерти превращался в безнадежную загадку. Она едва удержалась, чтобы не закатить глаза от его многословной тирады, ведь пришлось положить на язык еще две ягоды.

– Скажи, могу ли я использовать другие твои способности, – повторила вопрос она на этот раз тверже, но понизив голос, на случай если Сайлес находился поблизости. – В ту ночь ты сказал, что можешь все объяснить. Так что давай.

Быстро! – Если у Ангела смерти и имелись глаза, то, по представлению Сигны, она смотрела прямо в них.

Ветер затих, когда он заговорил.

– Находясь здесь, между мирами, может показаться, что ты способна на нечто большее, чем просто докучать мне, Пташка. Не знаю, каковы твои способности, но верю, что ты едва ли постигла даже азы.

Сигна с трудом сглотнула подступающий от страха ком к горлу. Подозрения подтвердились.

– Как такое возможно? Что ты со мной сделал?

Когда земля задрожала под ногами, она поняла, что задала неправильный вопрос.

– Почему ты сразу обвиняешь меня, – воскликнул Ангел смерти, – да будет тебе известно, что я не делал *ничего*. И совершенно не причастен к твоему дару. Не причастен к смерти тети, хотя порой я желал этого. То, как она с тобой обращалась... если бы ты только пожелала, я бы забрал ее давным-давно.

– Прежде мои желания оставить кого-то в живых никогда тебя не останавливали. – Она вся напряглась, словно готовясь к броску. – И я должна поверить, что ты никак не причастен к смертям, которые преследуют меня по пятам? Что лишь я одна виновата в них?

Тьма сгустилась, когда он придвинулся ближе.

– Ты не виновата в гибели людей. Жизнь Магды стала первой, которую ты забрала. Даже я не ожидал такого исхода.

Если его слова правдивы и даже он не знал, что подобное может произойти, тогда... *Как?*

Казалось, сам ветер нашептывал ей ответ.

– Существует причина, по которой ты можешь видеть духов, Сигна. По которой способна пересекать черту между жизнью и смертью. И, хотя я не смог точно выяснить *почему*, похоже, твои подозрения верны. Когда ты здесь, между мирами, и видишь меня, то получаешь доступ к такой же силе.

Сигну охватило странное чувство смеси ужаса и облегчения. От осознания сделанного к горлу подступал ком. Значит, в остальных смертях не было ее вины, что, безусловно, радовало. Но смерть Магды была *ее* рук делом. Тетя умерла по ее вине, и от одной этой мысли хотелось свернуться калачиком под ближайшим деревом и никогда не вставать.

– Послушай, – прошептал Ангел смерти. – Той ночью мы нарушили важные правила. Баланс жизни и смерти находится в хрупком равновесии, Сигна. А это равновесие не должно нарушаться никогда, иначе мир поглотит хаос. Магде не предназначалось умирать в ту ночь. Когда забираешь одну жизнь, нужно спасти другую. Понимаешь?

Она понимала слова, но постигла ли их значение? Сигна едва улавливала суть. Она почувствовала вздох Ангела смерти на своих щеках, когда он окутал ее тенью.

– Когда ты убила Магду, – в его голосе послышалась усталость, – мне пришлось сохранить другую жизнь, которой надлежало оборваться в ту ночь. Я пощадил жизнь Блайт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.